

ГЕНРИК ИБСЕН

ДРАМЫ • СТИХОТВОРЕНИЯ

Annotation

Пьеса Генрика Ибсена «Привидения», наряду с «Кукольным домом», чаще всего ставилась на советских сценах.

- [Генрик Ибсен](#)
    - [Действие первое](#)
    - [Действие второе](#)
    - [Действие третье](#)
-

Генрик Ибсен

Привидения

Семейная драма в 3-х действиях

Действие первое

Просторная комната, выходящая в сад; в левой стене одна дверь, в правой – две. Посреди комнаты круглый стол, обставленный стульями; на столик книги, журналы и газеты. На переднем плане окно, а возле него диванчик и дамский рабочий столик. В глубине комната переходит в стеклянную оранжерею, несколько поуже самой комнаты. В правой стене оранжереи дверь в сад. Сквозь стеклянные стены виден мрачный прибрежный ландшафт, затянутый сеткой мелкого дождя.

Сцена первая

В садовых дверях стоит столяр ЭНГСТРАН. Левая нога у него несколько сведена; подошва сапога подбита толстой деревянной плашкой. РЕГИНА, с пустой лейкой в руках, заступает ему дорогу.

РЕГИНА (*приглушенным голосом*). Чего тебе надо? Стой, где стоишь. С тебя и так течет.

ЭНГСТРАН. Бог дождичка послал, дочка.

РЕГИНА. Черт послал, вот кто!

ЭНГСТРАН. Господи Иисусе, что ты говоришь, Регина! (*Делает, ковыляя, несколько шагов вперед.*) А я вот чего хотел сказать...

РЕГИНА. Да не топочи ты так! Молодой барин спит наверху.

ЭНГСТРАН. Лежит и спит? Среди бела дня?

РЕГИНА. Это уж тебя не касается.

ЭНГСТРАН. Вчера вечером я кутнул...

РЕГИНА. Нетрудно поверить.

ЭНГСТРАН. Слабость наша человеческая, дочка...

РЕГИНА. Еще бы!

ЭНГСТРАН. А на сем свете есть множество искушений, видишь ли ты!.. Но я все-таки встал сегодня, как перед богом, в половине шестого – и за работу.

РЕГИНА. Ладно, ладно. Проваливай только поскорее. Не хочу я тут с тобой стоять, как на randevu.

ЭНГСТРАН. Чего не хочешь?

РЕГИНА. Не хочу, чтобы кто-нибудь застал тебя здесь. Ну, ступай,

ступай своей дорогой.

ЭНГСТРАН (*еще придвигаясь к ней*). Ну нет, так я и ушел, не потолковавши с тобой! После обеда, видишь ли, я кончаю работу здесь внизу, в школе, и ночью марш домой, в город, на пароходе.

РЕГИНА (*сквозь зубы*). Доброго пути!

ЭНГСТРАН. Спасибо, дочка! Завтра здесь будут святить принют, так уж тут, видимо, без хмельного не обойдется. Так пусть же никто не говорит про Якоба Энгстрана, что он падок на соблазны!

РЕГИНА. Э!

ЭНГСТРАН. Да, потому что завтра сюда черт знает сколько важных господ понаедет. И пастора Мандерса дожидают из города.

РЕГИНА. Он еще сегодня приедет.

ЭНГСТРАН. Вот видишь. Так я и не хочу, черт подери, чтобы он мог сказать про меня что-нибудь этакое, понимаешь?

РЕГИНА. Так вот оно что!

ЭНГСТРАН. Чего?

РЕГИНА (*глядя на него в упор*). Что же это такое, на чем ты опять собираешься поддеть пастора Мандерса?

ЭНГСТРАН. Тсс... тсс... Иль ты спятила? Чтобы я собирался поддеть пастора Мандерса? Для этого Мандерс уж слишком добр ко мне. Так вот, значит, ночью махну назад домой. Об этом я и пришел с тобой потолковать.

РЕГИНА. По мне, чем скорее уедешь, тем лучше.

ЭНГСТРАН. Да, только я и тебя хочу взять домой, Регина.

РЕГИНА (*открыв рот от изумления*). Меня? Что ты говоришь?

ЭНГСТРАН. Хочу взять тебя домой, говорю.

РЕГИНА. Ну, уж этому не бывать!

ЭНГСТРАН. А вот поглядим.

РЕГИНА. Да, и будь уверен, что поглядим. Я выросла у камергерши... Почти как родная здесь в доме... И чтобы я поехала с тобой? В такой дом? Тьфу!

ЭНГСТРАН. Черт подери! Так ты супротив отца идешь, девчонка?

РЕГИНА (*бормочет, не глядя на него*). Ты сколько раз сам говорил, какая я тебе дочь.

ЭНГСТРАН. Э! Охота тебе помнить...

РЕГИНА. И сколько раз ты ругал меня, обзывал... *Fi donc!*

ЭНГСТРАН. Ну нет, таких скверных слов, я, ей-ей, никогда не говорил!

РЕГИНА. Ну я-то знаю, какие слова ты говорил!

ЭНГСТРАН. Ну да ведь это я только, когда... того, выпивши бывал...

гм! Ох, много на сем свете искушений, Регина!

РЕГИНА. У!

ЭНГСТРАН. И еще, когда мать твоя, бывало, раскуражится. Надо ж было чем-нибудь донять ее, дочка. Уж больно она нос задирала. (*Передразнивая.*) «Пусти, Энгстран! Отстань! Я целых три года прослужила у камергера Алвинга в Русенволле». (*Посмеиваясь.*) Помилуй бог, забыть не могла, что капитана произвели в камергеры, пока она тут служила.

РЕГИНА. Бедная мать... Вогнал ты ее в гроб.

ЭНГСТРАН (*раскачиваясь*). Само собой, во всем я виноват!

РЕГИНА (*отворачиваясь, вполголоса*). У!.. И еще эта нога!..

ЭНГСТРАН. Чего ты говоришь, дочка?

РЕГИНА. Pied de mouton!

ЭНГСТРАН. Это что ж, по-англицки?

РЕГИНА. Да.

ЭНГСТРАН. Н-да, обучить тебя здесь всему обучили; вот теперь это и сможет пригодиться, Регина.

РЕГИНА (*немного помолчав*). А на что я тебе понадобилась в городе?

ЭНГСТРАН. Спрашиваешь отца, на что ему понадобилось единственное его детище? Разве я не одинокий сирота-вдовец?

РЕГИНА. Ах, оставь ты эту болтовню! На что я тебе там?

ЭНГСТРАН. Да вот, видишь, думаю я затеять одно новое дельце.

РЕГИНА (*презрительно фыркая*). Ты уж сколько раз затевал, и все никуда не годилось.

ЭНГСТРАН. А вот теперь увидишь, Регина! Черт меня возьми!

РЕГИНА (*топая ногой*). Не смей чертыхаться!

ЭНГСТРАН. Тсс... тсс!.. Это ты совершенно правильно, дочка, правильно. Так вот я чего хотел сказать: на этой работе в новом приюте я таки колотил деньжонок.

РЕГИНА. Сколотил? Ну и радуйся!

ЭНГСТРАН. Потому куда ж ты их тут истратишь, деньги-то, в глуши?

РЕГИНА. Ну, дальше?

ЭНГСТРАН. Так вот я и задумал оборудовать на эти денежки доходное дельце. Завести этак вроде трактира для моряков...

РЕГИНА. Тьфу!

ЭНГСТРАН. Шикарное заведение, понимаешь! Не какой-нибудь свиной закуток для матросов, нет, черт побери! Для капитанов да штурманов и... настоящих господ, понимаешь!

РЕГИНА. И я бы там...

ЭНГСТРАН. Пособляла бы, да. Так только, для видимости, понимаешь. Никакой черной работы, черт побери, на тебя, дочка, не навалят! Заживешь так, как хочешь.

РЕГИНА. Еще бы!

ЭНГСТРАН. А без женщины в этаким деле никак нельзя; это ясно, как божий день. Вечерком ведь надо же повеселить гостей немножко... Ну, там музыка, танцы и прочее. Не забудь – моряки народ бывалый. Поплавали по житейскому морю... *(Подходя к ней еще ближе.)* Так не будь же дурой, не становись сама себе поперек дороги, Регина! Чего из тебя тут выйдет! Кой прок, что барыня тратилась на твою ученость? Слыхал я, тебя тут прочат ходить за мелюзгой в новом приюте. Да разве это по тебе? Больно ли тебя тянет стараться да убиваться ради каких-то шелудивых ребятишек!

РЕГИНА. Нет, если бы вышло по-моему, то... Ну да, может, и выйдет. Может, и выйдет?

ЭНГСТРАН. Чего такое выйдет?

РЕГИНА. Не твоя забота... А много ль денег ты сколотил?

ЭНГСТРАН. Так, крон семьсот-восемьсот наберется.

РЕГИНА. Недурно.

ЭНГСТРАН. Для начала хватит, дочка!

РЕГИНА. А ты не думаешь уделить мне из них немножко?

ЭНГСТРАН. Нет, вот уж, право слово, не думаю!

РЕГИНА. Не думаешь прислать мне разок хоть материал на платыйшко?

ЭНГСТРАН. Перебирайся со мной в город, тогда и платьев у тебя будет вдоволь.

РЕГИНА. Захотела бы, так и одна перебралась бы.

ЭНГСТРАН. Нет, под охраной отцовской путеводной руки вернее будет, Регина. Теперь мне как раз подвертывается славненький такой домик на Малой Гаванской улице. И наличных немного потребуется; устроили бы там этакый приют для моряков.

РЕГИНА. Да не хочу я жить у тебя. Нечего мне у тебя делать. Проваливай!

ЭНГСТРАН. Да не засиделась бы ты у меня, черт подери! В том-то вся и штука. Кабы только сумела повести свою линию. Такая красotka, какой ты стала за эти два года...

РЕГИНА. Ну?..

ЭНГСТРАН. Немного времени бы прошло, как, глядишь, подцепила бы какого-нибудь штурмана, а не то и капитана...

РЕГИНА. Не пойду я за такого. У моряков нет никакого *savoir vivre*.

ЭНГСТРАН. Чего никакого?

РЕГИНА. Знаю я моряков, говорю. За таких выходить не стоит.

ЭНГСТРАН. Так и не выходи за них. И без того можно выгоду соблюсти. *(Понижая голос, конфиденциально.)* Тот англичанин... что на своей яхте приезжал, он целых триста специй-далеров отвалили... А она не красивее тебя была!

РЕГИНА. Пошел вон!

ЭНГСТРАН *(пяясь)*. Ну-ну, уж не хочешь ли ты драться?

РЕГИНА. Да! Если ты еще затронешь мать, прямо ударю! Пошел, говорят тебе! *(Оттесняет его к дверям в сад.)* Да не хлопни дверь! Молодой барин...

ЭНГСТРАН. Спит, знаю. Чертовски ты хлопчешь около молодого барина! *(Понижая голос.)* Хо-хо!.. Уж не дошло ли дело...

РЕГИНА. Вон, сию минуту! Ты рехнулся, болтун!.. Да не туда. Там пастор идет. По черной лестнице!

ЭНГСТРАН *(идя направо)*. Ладно, ладно. А ты вот поговори-ка с ним. Он тебе скажет, как дети должны обращаться с отцом... Потому что я все-таки отец тебе. По церковным книгам докажу. *(Уходит в другую дверь, которую Регина ему отворяет и тотчас затворяет за ним.)*

Сцена вторая

Регина быстро оглядывает себя в зеркало, обмахивается платком и поправляет на шее галстучек. Затем начинает возиться около цветов. В дверь из сада входит на балкон ПАСТОР МАНДЕРС в пальто и с зонтиком, через плечо дорожная сумка.

ПАСТОР МАНДЕРС. Здравствуйте, йомфру Энгстран!

РЕГИНА *(оборачиваясь, с радостным изумлением)*. Ах, здравствуйте, господин пастор! Разве пароход уже пришел?

ПАСТОР МАНДЕРС. Только что.

РЕГИНА. Позвольте, я помогу... Вот так. Ай, какое мокрое! Пойду повешу в передней. И зонтик... Я его раскрою, чтобы просох. *(Уходит с вещами в другую дверь направо.)*

ПАСТОР МАНДЕРС снимает дорожную сумку и кладет ее и шляпу на стул.

РЕГИНА возвращается.

ПАСТОР МАНДЕРС. А хорошо все-таки попасть под крышу... Скажите – я слышал на пристани, будто Освальд приехал?

РЕГИНА. Как же, третьего дня. А мы его ждали только сегодня.

ПАСТОР МАНДЕРС. В добром здравии, надеюсь?

РЕГИНА. Да, благодарю вас, ничего. Теперь он, должно быть, вздремнул немножко, так что, пожалуй, нам надо разговаривать чуточку потише.

ПАСТОР МАНДЕРС. Ну-ну, будем потише.

РЕГИНА (*придвигая к столу кресло*). Садитесь же, пожалуйста, господин пастор, устраивайтесь поудобнее. (*Он садится, она подставляет ему под ноги скамеечку*.) Ну вот, удобно так господину пастору?

ПАСТОР МАНДЕРС. Благодарю, благодарю, отлично!

РЕГИНА. Не сказать ли барыне?..

ПАСТОР МАНДЕРС. Нет, благодарю, дело не к спеху, дитя мое. Ну, скажите же мне, моя милая Регина, как поживает здесь ваш отец?

РЕГИНА. Благодарю, господин пастор, ничего себе.

ПАСТОР МАНДЕРС. Он заходил ко мне, когда был последний раз в городе.

РЕГИНА. Да? Он всегда так рад, когда ему удастся поговорить с господином пастором.

ПАСТОР МАНДЕРС. И вы, конечно, усердно навещаете его тут?

РЕГИНА. Я? Да, навещаю, когда есть время...

ПАСТОР МАНДЕРС. Ваш отец, йомфру Энгстран, не очень-то сильная личность. Он весьма нуждается в нравственной поддержке.

РЕГИНА. Да, да, пожалуй, что так.

ПАСТОР МАНДЕРС. Ему нужно иметь кого-нибудь подле себя, кого бы он любил и чьим мнением дорожил бы. Он мне сам чистосердечно признался в этом, когда был у меня в последний раз.

РЕГИНА. Да он и мне говорил что-то в этом роде. Но я не знаю, пожелает ли фру Алвинг расстаться со мной... Особенно теперь, когда предстоят хлопоты с этим новым приютом. Да и мне бы ужасно не хотелось расставаться с нею, потому что она всегда была так добра ко мне.

ПАСТОР МАНДЕРС. Однако дочерний долг, дитя мое... Но, разумеется, надо сначала заручиться согласием вашей госпожи.

РЕГИНА. К тому же я не знаю, подходящее ли дело для девушки в моем возрасте – быть хозяйкой в доме одинокого мужчины?

ПАСТОР МАНДЕРС. Как? Милая моя, ведь здесь же речь идет о вашем собственном отце!

РЕГИНА. Да если и так... и все-таки... Нет, вот если бы попасть в хороший дом, к настоящему, порядочному человеку...

ПАСТОР МАНДЕРС. Но, дорогая Регина...

РЕГИНА... которого я могла бы любить, уважать и быть ему вместо дочери...

ПАСТОР МАНДЕРС. Но, милое мое дитя...

РЕГИНА... тогда бы я с радостью переехала в город. Здесь ужасно тоскливо, одиноко... а господин пастор ведь знает сам, каково живется одинокому. И смею сказать, я и расторопна и усердна в работе. Не знает ли господин пастор для меня подходящего местечка?

ПАСТОР МАНДЕРС. Я? Нет, право, не знаю.

РЕГИНА. Ах, дорогой господин пастор... Я попрошу вас все-таки иметь в виду на случай, если бы...

ПАСТОР МАНДЕРС (*встает*). Хорошо, хорошо, йомфру Энгстран.

РЕГИНА... потому что мне...

ПАСТОР МАНДЕРС. Не будете ли вы так добры попросить сюда фру Алвинг?

РЕГИНА. Она сейчас придет, господин пастор!

ПАСТОР МАНДЕРС (*идет налево и, дойдя до веранды, останавливается, заложив руки за спину и глядя в сад. Затем опять идет к столу, берет одну из книг, смотрит на заглавие, недоумевает и пересматривает другие*). Гм! Так вот как!

Сцена третья.

ФРУ АЛВИНГ *входит из дверей налево. За нею РЕГИНА, которая сейчас же проходит через комнату в первую дверь направо.*

ФРУ АЛВИНГ (*протягивая руку пастору*). Добро пожаловать, господин пастор!

ПАСТОР МАНДЕРС. Здравствуйте, фру Алвинг! Вот и я, как обещал.

ФРУ АЛВИНГ. Вы всегда так аккуратны. Но где же ваш чемодан?

ПАСТОР МАНДЕРС (*поспешно*). Я оставил свои вещи у агента. Я там и ночую.

ФРУ АЛВИНГ (*подавляя улыбку*). И на этот раз не можете решиться переночевать у меня?

ПАСТОР МАНДЕРС. Нет, нет, фру Алвинг. Очень вам благодарен, но я уж переночую там, как всегда. Оно и удобнее – ближе к пристани.

ФРУ АЛВИНГ. Ну, как хотите. А вообще, мне кажется, что такие пожилые люди, как мы с вами...

ПАСТОР МАНДЕРС. Боже, как вы шутите! Ну да понятно, что вы так веселы сегодня. Во-первых, завтрашнее торжество, а во-вторых, вы все-таки залучили домой Освальда!

ФРУ АЛВИНГ. Да, подумайте, такое счастье! Ведь больше двух лет он не был дома. А теперь обещает провести со мной всю зиму. Вот забавно будет посмотреть, узнаете ли вы его. Он потом сойдет сюда, сейчас лежит там наверху, отдыхает на диване... Однако присаживайтесь же, пожалуйста, дорогой пастор.

ПАСТОР МАНДЕРС. Благодарю вас. Значит, вам угодно сейчас же?..

ФРУ АЛВИНГ. Да, да. *(Садится к столу.)*

ПАСТОР МАНДЕРС. Хорошо. Так вот... Перейдем теперь к нашим делам. *(Открывает папку и вынимает оттуда бумаги.)* Вот видите?..

ФРУ АЛВИНГ. Документы?..

ПАСТОР МАНДЕРС. Все. И в полном порядке. *(Перелистывает бумаги.)* Вот скрепленный акт о пожертвовании вами усадьбы. Вот акт об учреждении фонда и утвержденный устав нового приюта. Видите? *(Читает.)* «Устав детского приюта в память капитана Алвинга».

ФРУ АЛВИНГ *(долго смотрит на бумагу)*. Так вот, наконец!

ПАСТОР МАНДЕРС. Я выбрал звание капитан, а не камергера. Капитан как-то скромнее.

ФРУ АЛВИНГ. Да, да, как вам кажется лучше.

ПАСТОР МАНДЕРС. А вот книжка сберегательной кассы на вклад, проценты с которого пойдут на покрытие расходов по содержанию приюта...

ФРУ АЛВИНГ. Благодарю. Но будьте добры оставить ее у себя, – так удобнее.

ПАСТОР МАНДЕРС. Очень хорошо. Ставка, конечно, не особенно заманчива – всего четыре процента. Но если потом представится случай ссудить деньги под хорошую закладную, – тогда мы с вами поговорим пообстоятельнее.

ФРУ АЛВИНГ. Да, да, дорогой пастор Мандерс, вы все это лучше понимаете.

ПАСТОР МАНДЕРС. Я, во всяком случае, буду приискивать. Но есть еще одно, о чем я много раз собирался спросить вас.

ФРУ АЛВИНГ. О чем же это?

ПАСТОР МАНДЕРС. Страховать нам приютские строения или нет?

ФРУ АЛВИНГ. Разумеется, страховать.

ПАСТОР МАНДЕРС. Погодите, погодите. Давайте обсудим дело хорошенько.

ФРУ АЛВИНГ. Я все страхую – и строения, и движимое имущество, и хлеб, и живой инвентарь.

ПАСТОР МАНДЕРС. Правильно. Это все ваше личное достояние. И я так же поступаю. Самой собой. Но тут, видите ли, дело другое. Приют ведь имеет такую высокую, святую цель...

ФРУ АЛВИНГ. Ну, а если все-таки...

ПАСТОР МАНДЕРС. Что касается лично меня, я, собственно, не нахожу ничего предосудительного в том, чтобы мы обеспечили себя от всяких случайностей...

ФРУ АЛВИНГ. И мне это, право, кажется тоже.

ПАСТОР МАНДЕРС...но как отнесется к этому здешний народ? Вы его лучше знаете, чем я.

ФРУ АЛВИНГ. Гм... здешний народ...

ПАСТОР МАНДЕРС. Не найдется ли здесь значительного числа людей солидных, вполне солидных, с весом, которые бы сочли это предосудительным?

ФРУ АЛВИНГ. Что вы, собственно, подразумеваете под людьми вполне солидными, с весом?

ПАСТОР МАНДЕРС. Ну, я имею в виду людей настолько независимых и влиятельных по своему положению, что с их мнением нельзя не считаться.

ФРУ АЛВИНГ. Да, таких здесь найдется несколько, которые, пожалуй, сочтут предосудительным, если...

ПАСТОР МАНДЕРС. Вот видите! В городе же у нас таких много. Вспомните только всех приверженцев моего собрата. На такой шаг с нашей стороны легко могут взглянуть, как на неверие, отсутствие у нас упования на высший промысел...

ФРУ АЛВИНГ. Но вы-то со своей стороны, дорогой господин пастор, знаете же, что...

ПАСТОР МАНДЕРС. Да я-то знаю, знаю. Вполне убежден, что так следует. Но мы все-таки не сможем никому помешать толковать наши побуждения вкривь и вкось. А подобные толки могут повредить самому делу...

ФРУ АЛВИНГ. Да, если так, то...

ПАСТОР МАНДЕРС. Я не могу также не принять во внимание затруднительное положение, в которое я могу попасть. В руководящих кругах города очень интересуются приютом. Он отчасти предназначен

служить и нуждам города, что, надо надеяться, в немалой степени облегчит общине задачу призрения бедных. Но так как я был вашим советчиком и ведал всей деловой стороной предприятия, то и должен теперь опасаться, что ревнители церкви прежде всего обрушатся на меня... ФРУ АЛВИНГ. Да, вам не следует подвергать себя этому.

ПАСТОР МАНДЕРС. Не говоря уже о нападках, которые, без сомнения, посыплются на меня в известных газетах и журналах, которые...

ФРУ АЛВИНГ. Довольно, дорогой пастор Мандерс. Одно это соображение решает дело.

ПАСТОР МАНДЕРС. Значит, вы не хотите страховать?

ФРУ АЛВИНГ. Нет. Откажемся от этого.

ПАСТОР МАНДЕРС (*откидываясь на спинку стула*). А если все-таки случится несчастье? Ведь как знать? Вы возместите убытки?

ФРУ АЛВИНГ. Нет, прямо говорю, я этого не беру на себя.

ПАСТОР МАНДЕРС. Так знаете, фру Алвинг, в таком случае мы берем на себя такую ответственность, которая заставляет призадуматься.

ФРУ АЛВИНГ. Ну а разве, по-вашему, мы можем поступить иначе?

ПАСТОР МАНДЕРС. Нет, в том-то и дело, что нет. Нам не приходится давать повод судить о нас вкривь и вкось и мы отнюдь не вправе вызывать ропот прихожан.

ФРУ АЛВИНГ. Во всяком случае, вам, как пастору, этого нельзя делать.

ПАСТОР МАНДЕРС. И мне кажется тоже, мы вправе уповать, что такому учреждению посчастливится, что оно будет под особым покровительством.

ФРУ АЛВИНГ. Будем уповать, пастор Мандерс.

ПАСТОР МАНДЕРС. Значит, оставим так?

ФРУ АЛВИНГ. Да, без сомнения.

ПАСТОР МАНДЕРС. Хорошо. Будь по-вашему. (*Записывает.*) Итак, не страховать.

ФРУ АЛВИНГ. Странно, однако, что вы заговорили об этом как раз сегодня...

ПАСТОР МАНДЕРС. Я много раз собирался спросить вас насчет этого.

ФРУ АЛВИНГ. Как раз вчера у нас чуть-чуть не произошло там пожара.

ПАСТОР МАНДЕРС. Что такое?

ФРУ АЛВИНГ. В сущности, ничего особенного. Загорелись стружки в столярной.

ПАСТОР МАНДЕРС. Где работает Энгстран?

ФРУ АЛВИНГ. Да. Говорят, он очень неосторожен со спичками.

ПАСТОР МАНДЕРС. Да, у него голова полна всяких дум и всякого рода соблазнов. Слава богу, он все-таки старается теперь вести примерную жизнь, как я слышал.

ФРУ АЛВИНГ. Да? От кого же?

ПАСТОР МАНДЕРС. Он сам уверял меня. Притом он такой работающий.

ФРУ АЛВИНГ. Да, пока трезв...

ПАСТОР МАНДЕРС. Ах, эта злополучная слабость! Но он говорит, что ему часто приходится пить поневоле из-за своей искалеченной ноги. В последний раз, когда он был в городе, он просто растрогал меня. Явился и так искренне благодарил меня за то, что я доставил ему эту работу здесь, так что он мог побыть подле Регины.

ФРУ АЛВИНГ. С нею-то он, кажется, не особенно часто видится.

ПАСТОР МАНДЕРС. Ну как же, он говорил – каждый день.

ФРУ АЛВИНГ. Да, да, может быть.

ПАСТОР МАНДЕРС. Он отлично чувствует, что ему нужно иметь подле себя кого-нибудь, кто удерживал бы его в минуты слабости. Это самая симпатичная черта в Якобе Энгстране, что он вот приходит к тебе такой жалкий, беспомощный и чистосердечно кается в своей слабости. В последний раз он прямо сказал мне... Послушайте, фру Алвинг, если бы у него было душевной потребностью иметь подле себя Регину...

ФРУ АЛВИНГ (*быстро встает*) Регину!

ПАСТОР МАНДЕРС... то вам не следует противиться.

ФРУ АЛВИНГ. Ну, нет, как раз воспротивлюсь. Да и кроме того... Регина получает место в приюте.

ПАСТОР МАНДЕРС. Но вы рассудите, он все-таки отец ей.

ФРУ АЛВИНГ. О, я лучше знаю, каким он был ей отцом. Нет, насколько это зависит от меня, она никогда к нему не вернется.

ПАСТОР МАНДЕРС (*вставая*). Но, дорогая фру Алвинг, не волнуйтесь так. Право, прискорбно, что вы с таким предубеждением относитесь к столяру Энгстрану. Вы даже как будто испугались...

ФРУ АЛВИНГ (*спокойнее*). Как бы там ни было, я взяла Регину к себе, у меня она и останется. (*Прислушиваясь.*) Тсс... довольно, дорогой пастор Мандерс, не будем больше говорить об этом. (*Сияя радостью.*) Слышите? Освальд идет по лестнице. Теперь займемся им одним!

Сцена четвертая.

ОСВАЛЬД АЛВИНГ, в легком пальто, со шляпой в руке, покуривая длинную пенковую трубку, входит из дверей налево.

ОСВАЛЬД (останавливаясь у дверей). Извините, я думал, что вы в конторе. (Подходя ближе.) Здравствуйте, господин пастор!

ПАСТОР МАНДЕРС (пораженный). А!.. Это удивительно!..

ФРУ АЛВИНГ. Да, что вы скажете о нем, пастор Мандерс?

ПАСТОР МАНДЕРС. Я скажу... скажу... Нет, да неужели в самом деле?..

ОСВАЛЬД. Да, да, перед вами действительно тот самый блудный сын, господин пастор.

ПАСТОР МАНДЕРС. Но, мой дорогой молодой друг...

ОСВАЛЬД. Ну, добавим: вернувшийся домой.

ФРУ АЛВИНГ. Освальд намекает на то время, когда вы так противились его намерению стать художником.

ПАСТОР МАНДЕРС. Глазам человеческим многое может казаться сомнительным, что потом все-таки... (Пожимает Освальду руку.) Ну, добро пожаловать, добро пожаловать! Но, дорогой Освальд... Ничего, что я называю вас так запросто?

ОСВАЛЬД. А как же иначе?

ПАСТОР МАНДЕРС. Хорошо. Так вот я хотел сказать вам, дорогой Освальд, – вы не думайте, что я безусловно осуждаю сословие художников. Я полагаю, что и в этом кругу многие могут сохранить свою душу чистой.

ОСВАЛЬД. Надо надеяться, что так.

ФРУ АЛВИНГ (вся сияя). Я знаю одного такого, который остался чист и душой и телом. Взгляните на него только, пастор Мандерс!

ОСВАЛЬД (бродит по комнате). Ну-ну, мама, оставим это.

ПАСТОР МАНДЕРС. Да, действительно, этого нельзя отрицать. И вдобавок вы начали уже создавать себе имя. Газеты часто упоминали о вас, и всегда весьма благосклонно. Впрочем, в последнее время что-то как будто замолкли.

ОСВАЛЬД (около цветов). Я в последнее время не мог столько работать.

ФРУ АЛВИНГ. И художнику надо отдохнуть.

ПАСТОР МАНДЕРС. Могу себе представить. Да и подготовиться надо, собраться с силами для чего-нибудь крупного.

ОСВАЛЬД. Мама, мы скоро будем обедать?

ФРУ АЛВИНГ. Через полчаса. Аппетит у него, слава богу, хороший.

ПАСТОР МАНДЕРС. И к куренью тоже.

ОСВАЛЬД. Я нашел наверху отцовскую трубку, и вот...

ПАСТОР МАНДЕРС. Так вот отчего!

ФРУ АЛВИНГ. Что такое?

ПАСТОР МАНДЕРС. Когда Освальд вошел сюда с этой трубкой в зубах, точно отец его встал передо мной, как живой!

ОСВАЛЬД. В самом деле?

ФРУ АЛВИНГ. Ну как вы можете говорить это! Освальд весь в меня.

ПАСТОР МАНДЕРС. Да, но вот эта черта около углов рта, да и в губах есть что-то такое, ну две капли воды – отец. По крайней мере, когда курит.

ФРУ АЛВИНГ. Совсем не нахожу. Мне кажется, в складке рта у Освальда скорее что-то пасторское.

ПАСТОР МАНДЕРС. Да, да. У многих из моих собратьев подобный склад рта.

ФРУ АЛВИНГ. Но оставь трубку, дорогой мальчик. Я не люблю, когда здесь курят.

ОСВАЛЬД (*повинуясь*). С удовольствием. Я только так, попробовать вздумал, потому что я уже раз курил из нее, в детстве.

ФРУ АЛВИНГ. Ты?

ОСВАЛЬД. Да, я был совсем еще маленьким. И, помню, пришел раз вечером в комнату к отцу. Он был такой веселый...

ФРУ АЛВИНГ. О, ты ничего не помнишь из того времени.

ОСВАЛЬД. Отлично помню. Он взял меня к себе на колени и заставил курить трубку. Кури, говорит, мальчуган, кури хорошенько. И я курил изо всех сил, пока совсем не побледнел и пот не выступил у меня на лбу. Тогда он захохотал от всей души.

ПАСТОР МАНДЕРС. Гм... крайне странно.

ФРУ АЛВИНГ. Ах, Освальду это все только приснилось.

ОСВАЛЬД. Нет, мама, вовсе не приснилось. Еще потом, – неужели же ты этого не помнишь? – ты пришла и унесла меня в детскую. Мне там сделалось дурно, а ты плакала... Папа часто проделывал такие штуки?

ПАСТОР МАНДЕРС. В молодости он был большой весельчак.

ОСВАЛЬД. И все-таки успел столько сделать за свою жизнь. Столько хорошего, полезного. Он умер ведь далеко не старым.

ПАСТОР МАНДЕРС. Да, вы унаследовали имя поистине деятельного и достойного человека, дорогой Освальд Алвинг. И, надо надеяться, его пример воодушевит вас...

ОСВАЛЬД. Пожалуй, должен был бы воодушевить.

ПАСТОР МАНДЕРС. Во всяком случае, вы прекрасно сделали, что вернулись домой ко дню чествования его памяти.

ОСВАЛЬД. Меньше-то я уж не мог сделать для отца.

ФРУ АВЛИНГ. А всего лучше с его стороны то, что он согласился погостить у меня подольше!

ПАСТОР МАНДЕРС. Да, я слышал, вы останетесь тут на всю зиму.

ОСВАЛЬД. Я остаюсь здесь на неопределенное время, господин пастор... А-а, как чудесно все-таки вернуться домой!

ФРУ АЛВИНГ *(сияя)*. Да, не правда ли?

ПАСТОР МАНДЕРС. *(глядя на него с участием)*. Вы рано вылетели из родного гнезда, дорогой Освальд.

ОСВАЛЬД. Да. Иногда мне сдается, не слишком ли рано.

ФРУ АЛВИНГ. Ну вот! Для настоящего, здорового мальчугана это хорошо. Особенно, если он единственный сын. Такого нечего держать дома под крылышком у мамы с папашей. Избалуются только.

ПАСТОР МАНДЕРС. Ну, это еще спорный вопрос, фру Алвинг. Родительский дом есть и будет самым настоящим местопребыванием для ребенка.

ОСВАЛЬД. Вполне согласен с пастором.

ПАСТОР МАНДЕРС. Возьмем хотя вашего сына. Ничего, что говорим при нем... Какие последствия имели это для него? Ему лет двадцать шесть-двадцать семь, а он до сих пор еще не имел случая узнать, что такое настоящий домашний очаг.

ОСВАЛЬД. Извините, господин пастор, тут вы ошибаетесь.

ПАСТОР МАНДЕРС. Да? Я полагал, что вы вращались почти исключительно в кругу художников.

ОСВАЛЬД. Ну да.

ПАСТОР МАНДЕРС. И главным образом в кругу молодежи.

ОСВАЛЬД. И это так.

ПАСТОР МАНДЕРС. Но, я думаю, у большинства из них нет средств жениться и обзавестись домашним очагом.

ОСВАЛЬД. Да, у многих из них не хватает средств жениться, господин пастор.

ПАСТОР МАНДЕРС. Вот-вот, это-то я и говорю.

ОСВАЛЬД. Но это не мешает им иметь домашний очаг. И некоторые из них имеют настоящий и очень уютный домашний очаг.

ФРУ АЛВИНГ, с напряженным вниманием следившая за разговором, молча кивает головой.

ПАСТОР МАНДЕРС. Я говорю не о холостом очаге. Под очагом я разумею семью, жизнь в лоне семьи, с женой и детьми.

ОСВАЛЬД. Да, или с детьми и матерью своих детей.

ПАСТОР МАНДЕРС (*вздрагивает, всплескивает руками*). Но боже милосердный!

ОСВАЛЬД. Что?

ПАСТОР МАНДЕРС. Жить – с матерью своих детей!

ОСВАЛЬД. А, по-вашему, лучше бросить мать своих детей?

ПАСТОР МАНДЕРС. Так вы говорите о незаконных связях? О так называемых «диких» браках?

ОСВАЛЬД. Ничего особенно дикого я никогда не замечал в таких сожителствах.

ПАСТОР МАНДЕРС. Но возможно ли, чтобы сколько-нибудь воспитанный человек или молодая женщина согласились на такое сожителство, как бы у всех на виду?

ОСВАЛЬД. Да что же им делать? Бедный молодой художник, бедная молодая девушка... Жениться – дорого. Что же им остается делать?

ПАСТОР МАНДЕРС. Что им остается делать? А вот я вам скажу, господин Алвинг, что им делать. С самого начала держаться подальше друг от друга – вот что!

ОСВАЛЬД. Ну, такими речами вы не проймете молодых, горячих, страстно влюбленных людей.

ФРУ АЛВИНГ. Разумеется, не проймете.

ПАСТОР МАНДЕРС (*продолжая*). И как это власти терпят подобные вещи! Допускают, что это творится открыто! (*Остановливаясь перед фру Алвинг.*) Ну вот, не имел ли я основания опасаться за вашего сына? В таких кругах, где безнравственность проявляется столь открыто, где она признается как бы в порядке вещей...

ОСВАЛЬД. Позвольте вам сказать, господин пастор. Я постоянно бывал по воскресеньям в двух-трех таких «неправильных» семьях...

ПАСТОР МАНДЕРС. И еще по воскресеньям!

ОСВАЛЬД. Тогда-то и надо развлечься. Но я ни разу не слышал там ни единого неприличного выражения, не говоря уже о том, чтобы быть свидетелем чего-нибудь безнравственного. Нет, знаете, где и когда я наталкивался на безнравственность, бывая в кругах художников?

ПАСТОР МАНДЕРС. Нет, слава богу, не знаю.

ОСВАЛЬД. Так я позволю себе сказать вам это. Я наталкивался на безнравственность, когда к нам наезжал кто-нибудь из наших почтенных земляков, образцовых мужей, отцов семейства, и оказывал нам,

художникам, честь посетить нас в наших скромных кабачках. Вот тогда-то мы могли заслушаться! Эти господа рассказывали нам о таких местах и о таких вещах, какие нам и во сне не снились.

ПАСТОР МАНДЕРС. Как?! Вы станете утверждать, что почтенные люди, наши земляки...

ОСВАЛЬД. А вы разве никогда не слыхали от этих почтенных людей, побывавших в чужих краях, рассказов о все возрастающей безнравственности за границей?

ПАСТОР МАНДЕРС. Ну, конечно...

ФРУ АЛВИНГ. И я тоже слышала.

ОСВАЛЬД. И можете спокойно верить им на слово. Среди них попадаются настоящие знатоки. (Хватаясь за голову.) О! Так забрасывать грязью ту прекрасную, светлую, свободную жизнь!

ФРУ АЛВИНГ. Не надо так волноваться, Освальд. Тебе вредно.

ОСВАЛЬД. Да, правда твоя. Не полезно... Все эта проклятая усталость, знаешь. Так я пойду пройдусь немножко до обеда. Извините, господин пастор. Вы уж не посетуйте на меня, – это так на меня нашло. (Уходит во вторую дверь направо.)

Сцена пятая.

ФРУ АЛВИНГ. Бедный мой мальчик!

ПАСТОР МАНДЕРС. Да, уж можно сказать. До чего дошел! (Фру Алвинг молча смотрит на него. Пастор ходит взад и вперед.) Он назвал себя блудным сыном! Да, увы, увы! (Фру Алвинг по-прежнему молча смотрит на него.) А вы что на это скажете?

ФРУ АЛВИНГ. Скажу, что Освальд был от слова до слова прав.

ПАСТОР МАНДЕРС (останавливается). Прав?! Прав!.. Держась подобных воззрений!

ФРУ АЛВИНГ. Я в своем уединении пришла к таким же воззрениям, господин пастор. Но у меня все не хватало духу затрагивать такие темы. Так вот теперь мой сын будет говорить за меня.

ПАСТОР МАНДЕРС. Вы достойны сожаления, фру Алвинг. Но теперь я должен обратиться к вам с серьезным увещанием. Теперь перед вами не ваш советчик и поверенный, не старый друг ваш и вашего мужа, а духовный отец, каким я был для вас в самую безумную минуту вашей жизни.

ФРУ АЛВИНГ. И что же скажет мне мой духовный отец?

ПАСТОР МАНДЕРС. Прежде всего я освежу вашу память. Момент самый подходящий. Завтра минет десять лет, как умер ваш муж. Завтра будет открыт памятник покойному. Завтра я буду говорить речь перед лицом всего собравшегося народа... Сегодня же обращаю свою речь к вам одной.

ФРУ АЛВИНГ. Хорошо, господин пастор, говорите.

ПАСТОР МАНДЕРС. Помните ли вы, что всего лишь через какой-нибудь год после свадьбы вы очутились на краю пропасти? Бросили свой дом и очаг, бежали от своего мужа... Да, фру Алвинг, бежали, бежали и отказались вернуться, несмотря на все его мольбы!

ФРУ АЛВИНГ. А вы забыли, как бесконечно несчастна была я в первый год замужества?

ПАСТОР МАНДЕРС. Ах, ведь в этом как раз и сказывается мятежный дух, в этих требованиях счастья здесь, на земле! Какое право имеем мы, люди, на счастье? Нет, фру Алвинг, мы обязаны исполнять свой долг. И ваш долг был – оставаться верной тому, кого вы избрали раз и навсегда и с кем были связаны священными узами.

ФРУ АЛВИНГ. Вам хорошо известно, какую жизнь вел Алвинг в то время, какому разгулу он предавался?

ПАСТОР МАНДЕРС. Мне очень хорошо известно, какие слухи ходили о нем. И я как раз меньше всех могу одобрить его поведение в молодости, если вообще верить слухам. Но жена не поставлена судьей над мужем. Ваша обязанность была смиренно нести крест, возложенный на вас высшей волей. А вы вместо того возмутились и сбросили с себя этот крест, покинули споткнувшегося, которому должны были служить опорой, и поставили на карту свое доброе имя, да чуть не погубили вдобавок доброе имя других.

ФРУ АЛВИНГ. Других? Другого – хотите вы сказать.

ПАСТОР МАНДЕРС. С вашей стороны было в высшей степени безрассудно искать убежища у меня.

ФРУ АЛВИНГ. У нашего духовного отца? У друга нашего дома?

ПАСТОР МАНДЕРС. Больше всего поэтому. Да, благодарите создателя, что у меня достало твердости... что мне удалось отвратить вас от ваших неразумных намерений и что господь помог мне вернуть вас на путь долга, к домашнему очагу и к законному супругу.

ФРУ АЛВИНГ. Да, пастор Мандерс, это бесспорно сделали вы.

ПАСТОР МАНДЕРС. Я был только ничтожным орудием в руках всевышнего. И разве не на благо вам и всей вашей последующей жизни удалось мне склонить вас тогда подчиниться долгу? Разве не сбылось все,

как я предсказывал? Разве Алвинг не отвернулся от всех своих заблуждений, как и подобает мужу? Не жил с тех пор и до конца дней своих безупречно, в любви и согласии с вами? Не стал ли истинным благодетелем для своего края и не возвысил ли и вас своей помощницей во всех своих предприятиях? Достойной, дельной помощницей – да, мне известно это, фру Алвинг. Я должен воздать вам эту хвалу. Но вот я дошел до второго крупного проступка в вашей жизни.

ФРУ АЛВИНГ. Что вы хотите этим сказать?

ПАСТОР МАНДЕРС. Как некогда пренебрегли вы обязанностями супруги, так затем пренебрегли и обязанностями матери.

ФРУ АЛВИНГ. А!..

ПАСТОР МАНДЕРС. Вы всегда были одержимы роковым духом своеволия. Ваши симпатии были на стороне безначалия и беззакония. Вы никогда не хотели терпеть никаких уз. Не глядя ни на что, без зазрения совести вы стремились сбросить с себя всякое бремя, как будто нести или не нести его зависело от вашего личного усмотрения. Вам стало неудобно дольше исполнять обязанности матери – и вы ушли от мужа; вас тяготили обязанности матери – и вы сдали своего ребенка на чужие руки.

ФРУ АЛВИНГ. Правда, я это сделала.

ПАСТОР МАНДЕРС. Вот зато и стали для него чужой.

ФРУ АЛВИНГ. Нет, нет, не стала!

ПАСТОР МАНДЕРС. Стали. Должны были стать. И каким вы обрели его вновь? Ну рассудите хорошенько, фру Алвинг. Вы много прегрели перед своим мужем – и сознаетесь теперь в этом, воздвигая ему памятник. Сознайте же свою вину и перед сыном. Еще, может быть, не поздно вернуть его на путь истины. Обратитесь сами и спасите в нем, что еще можно спасти. Да. *(Поднимая указательный палец.)* Воистину вы многогрешная мать, фру Алвинг! Я считаю своим долгом высказать вам это.

ФРУ АЛВИНГ *(медленно, с полным самообладанием)*. Итак, вы сейчас высказались, господин пастор, а завтра посвятите памяти моего мужа публичную речь. Я завтра говорить не буду. Но теперь и мне хочется поговорить с вами немножко, как вы сейчас говорили со мной.

ПАСТОР МАНДЕРС. Естественно: вы желаете сослаться на смягчающие обстоятельства...

ФРУ АЛВИНГ. Нет. Я просто буду рассказывать.

ПАСТОР МАНДЕРС. Ну?..

ФРУ АЛВИНГ. Все это, что вы сейчас говорили мне о моем муже, о нашей совместной жизни после того, как вам удалось, по вашему

выражению, вернуть меня на путь долга... все это вы не наблюдали сами. С того самого момента вы, наш друг и постоянный гость, больше не показывались в нашем доме.

ПАСТОР МАНДЕРС. Да вы сейчас же после этого переехали из города.

ФРУ АЛВИНГ. Да, и вы ни разу не заглянули к нам сюда все время, пока был жив мой муж. Только дела заставили вас затем посещать меня, когда вы взяли на себя хлопоты по устройству приюта...

ПАСТОР МАНДЕРС (*тихо, нерешительно*). Элене... если это упрек, то я просил бы вас принять в соображение...

ФРУ АЛВИНГ...Ваше положение, звание. Да. И еще то, что я была женщиной, убегавшей от своего мужа. От подобных взбалмошных особ надо вообще держаться как можно дальше.

ПАСТОР МАНДЕРС. Дорогая... фру Алвинг, вы уж чересчур преувеличиваете.

ФРУ АЛВИНГ. Да, да, да, пусть будет так. Я только хотела вам сказать, что суждение свое о моей семейной жизни вы с легким сердцем основываете на ходячем мнении.

ПАСТОР МАНДЕРС. Ну, положим; так что же?

ФРУ АЛВИНГ. А вот сейчас я расскажу вам всю правду, Мандерс. Я поклялась себе, что вы когда-нибудь да узнаете ее. Вы один!

ПАСТОР МАНДЕРС. В чем же заключается эта правда?

ФРУ АЛВИНГ. В том, что мой муж умер таким же беспутным, каким он прожил всю свою жизнь.

ПАСТОР МАНДЕРС (*хватаясь за спинку стула*). Что вы говорите!..

ФРУ АЛВИНГ. Умер на девятнадцатом году супружеской жизни таким же распутным или, по крайней мере, таким же рабом своих страстей, каким был и до того, как вы нас повенчали.

ПАСТОР МАНДЕРС. Так заблуждения юности, некоторые отклонения с пути... кутежи, если хотите, вы называете распутством!

ФРУ АЛВИНГ. Так выражался наш домашний врач.

ПАСТОР МАНДЕРС. Я просто не понимаю вас.

ФРУ АЛВИНГ. И не нужно.

ПАСТОР МАНДЕРС. У меня прямо голова кругом идет... Вся ваша супружеская жизнь, эта долголетняя совместная жизнь с вашим мужем была, значит, не что иное, как пропасть, замаскированная пропасть.

ФРУ АЛВИНГ. Именно. Теперь вы знаете это.

ПАСТОР МАНДЕРС. С этим... с этим я не скоро освоюсь. Я не в силах постичь... Да как же это было возможно?.. Как могло это оставаться

скрытым от людей?

ФРУ АЛВИНГ. Я вела ради этого неустанную борьбу изо дня в день. Когда у нас родился Освальд, Алвинг как будто остепенился немного. Но не надолго. И мне пришлось бороться еще отчаяннее, бороться не на жизнь, а на смерть, чтобы никто никогда не узнал, что за человек отец моего ребенка. К тому же вы ведь знаете, какой он был с виду привлекательный человек, как всем нравился. Кому бы в голову пришло поверить чему-нибудь дурному о нем? Он был из тех людей, которые, что ни сделай, не упадут в глазах окружающих. Но вот, Мандерс, надо вам узнать и остальное... Потом дошло и до самой последней гадости.

ПАСТОР МАНДЕРС. Еще хуже того, что было?

ФРУ АЛВИНГ. Я сначала смотрела сквозь пальцы, хотя и знала прекрасно, что творилось тайком от меня вне дома. Когда же этот позор вторгнулся в эти стены...

ПАСТОР МАНДЕРС. Что вы говорите! Сюда?

ФРУ АЛВИНГ. Да, сюда, в наш собственный дом. Вон там (*указывая пальцем на первую дверь направо*), в столовой, я впервые узнала об этом. Я прошла туда за чем-то, а дверь оставила непритворенной. Вдруг слышу, наша горничная входит на веранду из сада полить цветы...

ПАСТОР МАНДЕРС. Ну, ну?..

ФРУ АЛВИНГ. Немного погодя слышу, и Алвинг вошел, что-то тихонько сказал ей, и вдруг... (*С нервным смехом.*) О, эти слова и до сих пор отдаются у меня в ушах – так раздрающе и вместе с тем так нелепо!.. Я услышала, как горничная шепнула: «Пустите меня, господин камергер, пустите же!»

ПАСТОР МАНДЕРС. Какое непозволительное легкомыслие! Но все же не более чем легкомыслие, фру Алвинг. Поверьте!

ФРУ АЛВИНГ. Я скоро узнала, чему надо было верить. Камергер добился-таки от девушки своего... И эта связь имела последствия, пастор Мандерс.

ПАСТОР МАНДЕРС (*как пораженный громом*). И все это здесь, в доме! В этом доме!

ФРУ АЛВИНГ. Я много вынесла в этом доме. Чтобы удерживать его дома по вечерам... и по ночам, мне приходилось составлять ему компанию, участвовать в тайных попойках у него наверху... Сидеть с ним вдвоем, чокаться, пить, выслушивать его непристойную, бессвязную болтовню, потом чуть не драться с ним, чтобы стащить его в постель...

ПАСТОР МАНДЕРС (*потрясенный*). И вы могли сносить все это!

ФРУ АЛВИНГ. Я сносила все это ради моего мальчика. Но когда

прибавилось это последнее издевательство, когда моя собственная горничная... тогда я поклялась себе: пора этому положить конец! И я взяла власть в свои руки, стала полной госпожой в доме – и над ним и надо всеми... Теперь у меня было в руках оружие против него, он не смел и пикнуть. И вот тогда-то я и отослала Освальда. Ему шел седьмой год, он начал замечать, задавать вопросы, как все дети. Я не могла этого вынести, Мандерс. Мне казалось, что ребенок вдыхает в этом доме заразу с каждым глотком воздуха. Теперь вы понимаете также, почему он ни разу не переступал порога родительского дома, пока отец его был жив. Никто не знает, чего мне это стоило.

ПАСТОР МАНДЕРС. Поистине, вы много претерпели!

ФРУ АЛВИНГ. Я бы и не вынесла, не будь у меня моей работы. Да, смею сказать, я трудилась. Все это расширение земельной площади, улучшения, усовершенствования, полезные нововведения, за которые так расхваливали Алвинг, – думаете, у него хватало энергии на это? У него, который день-деньской валялся на диване и читал старый календарь! Нет, теперь я скажу вам все. На все эти дела подбивала его я, когда у него выдавались более светлые минуты, и я же вывозила все на своих плечах, когда он опять запивал горькую или совсем распускался – ныл и хныкал.

ПАСТОР МАНДЕРС. И такому-то человеку вы воздвигаете памятник!

ФРУ АЛВИНГ. Во мне говорит нечистая совесть.

ПАСТОР МАНДЕРС. Нечистая... То есть как это?

ФРУ АЛВИНГ. Мне всегда чудилось, что истина не может все-таки не выйти наружу. И вот приют должен заглушить все толки и рассеять все сомнения.

ПАСТОР МАНДЕРС. Вы, конечно, не ошиблись в своем расчете.

ФРУ АЛВИНГ. Была у меня и еще одна причина. Я не хотела, чтобы Освальд, мой сын, унаследовал что-либо от отца.

ПАСТОР МАНДЕРС. Так это вы на деньги Алвинга?

ФРУ АЛВИНГ. Да. Я ежегодно откладывала на приют известную часть доходов, пока не составила, – я точно высчитала это, – сумма, равная тому состоянию, которое сделало в свое время лейтенанта Алвинга завидной партией.

ПАСТОР МАНДЕРС. Я вас понимаю.

ФРУ АЛВИНГ. Сумма, за которую он купил меня... Я не хочу, чтобы к Освальду перешли эти деньги. Мой сын должен получить все свое состояние от меня.

Сцена шестая.

Освальд входит из дверей направо, уже без шляпы и пальто. Фру Алвинг идет ему навстречу.

ФРУ АЛВИНГ. Уже назад, мой милый мальчик!

ОСВАЛЬД. Да. Как тут гулять, когда дождь льет без перерыва? Но я слышу, – мы сейчас сядем за стол? Это чудесно!

РЕГИНА (*входит из столовой с пакетом в руках*). Вам пакет, сударыня. (*Подает ей.*)

ФРУ АЛВИНГ. (*бросая взгляд на пастора*). Вероятно, кантаты для завтрашнего торжества.

ПАСТОР МАНДЕРС. Гм...

РЕГИНА. И стол накрыт.

ФРУ АЛВИНГ. Хорошо. Сейчас придем. Я хочу только... (*Вскрывает пакет.*)

РЕГИНА (*Освальду*). Красного или белого портвейна прикажете подать, господин Алвинг?

ОСВАЛЬД. И того и другого, йомфру Энгстран.

РЕГИНА. *Vien...* Слушаю, господин Алвинг. (*Уходит в столовую.*)

ОСВАЛЬД. Пожалуй, надо помочь откупорить... (*Уходит с ней в столовую, оставляя дверь непритворенной.*)

ФРУ АЛВИНГ (*вскрыв пакет*). Да, так и есть. Кантаты для завтрашнего торжества.

ПАСТОР МАНДЕРС (*складывая руки*). Как же у меня хватит завтра духу произнести речь?

ФРУ АЛВИНГ. Ну, как-нибудь найдетесь.

ПАСТОР МАНДЕРС (*тихо, чтобы его не услышали из столовой*). Да, нельзя же сеять соблазн в сердцах паствы.

ФРУ АЛВИНГ (*понижив голос, но твердо*). Да. Но затем – конец всей этой долгой, мучительной комедии. Послезавтра мертвый перестанет существовать для меня, как будто он никогда и не жил в этом доме. Здесь останется только мой мальчик со своей матерью. (*В столовой с шумом опрокидывается стул и слышится резкий шепот Регины: «Освальд! С ума ты сошел?пусти меня!». Вся вздрагивая от ужаса*). А!.. (*Глядит, словно обезумев, на полуоткрытую дверь.*)

В столовой раздается сначала покашливание ОСВАЛЬДА, затем он

начинает напевать что-то, и наконец слышно, как откупоривают бутылку.

ПАСТОР МАНДЕРС (с негодованием). Что же это такое? Что это такое, фру Алвинг?

ФРУ АЛВИНГ (хрипло). Привидения! Парочка с веранды... Выходцы с того света...

ПАСТОР МАНДЕРС. Что вы говорите! Регина?.. Так она?..

ФРУ АЛВИНГ. Да. Идем. Ни слова!.. (Схватившись за руку пастора, нетвердой поступью идет с ним в столовую.)

Действие второе

Та же комната. Над ландшафтом по-прежнему навис густой туман.

Сцена первая.

Пастор Мандерс и Фру Алвинг выходят из столовой.

ФРУ АЛВИНГ (еще в дверях). На здоровье, господин пастор. (Говорит, обращаясь в столовую.) А ты не придешь к нам, Освальд?

ОСВАЛЬД (из столовой). Нет, благодарю, я думаю пройтись немножко.

ФРУ АЛВИНГ. Пройдись, пройдись; как раз дождик перестал. (Затворяет дверь в столовую, идет к двери в переднюю и зовет.) Регина!

РЕГИНА (из передней). Что угодно?

ФРУ АЛВИНГ. Поди в гладильную, помоги им там с венками.

РЕГИНА. Хорошо, сударыня.

Фру Алвинг, удостоверясь, что Регина ушла, затворяет за собой дверь.

ПАСТОР МАНДЕРС. Надеюсь, ему там не слышно будет?

ФРУ АЛВИНГ. Нет, если дверь затворена. Да он сейчас уйдет.

ПАСТОР МАНДЕРС. Я все еще не могу прийти в себя. Не понимаю, как у меня кусок шел в горло за обедом – как он ни был превосходен.

ФРУ АЛВИНГ (подавляя волнение, ходит взад и вперед). Я тоже. Но что теперь делать?

ПАСТОР МАНДЕРС. Да, что делать? Право, не знаю. У меня нет никакого опыта в таких делах.

ФРУ АЛВИНГ. Я уверена, что пока еще не дошло до беды.

ПАСТОР МАНДЕРС. Нет, упаси бог! Но все же непристойные отношения налицо.

ФРУ АЛВИНГ. Это не более чем выходка со стороны Освальда, будьте уверены.

ПАСТОР МАНДЕРС. Я повторяю, несведущ в таких вещах, но все-таки мне кажется...

ФРУ АЛВИНГ. Ее, конечно, надо удалить из дому. И немедленно. Это ясно как день...

ПАСТОР МАНДЕРС. Само собой.

ФРУ АЛВИНГ. Но куда? Мы не вправе же...

ПАСТОР МАНДЕРС. Куда? Разумеется, домой, к отцу.

ФРУ АЛВИНГ. К кому, вы говорите?

ПАСТОР МАНДЕРС. К отцу... Ах да, ведь Энгстран не... Но, боже мой, статочное ли это дело? Не ошибаетесь ли вы все-таки?

ФРУ АЛВИНГ. К сожалению, я ни в чем не ошибаюсь. Иоханне пришлось сознаться мне во всем, да и Алвинг не смел отпираться. И ничего не оставалось, как замять дело.

ПАСТОР МАНДЕРС. Да, пожалуй, другого выхода не было.

ФРУ АЛВИНГ. Горничную тотчас же отпустили, дав порядочную сумму за молчание. Остальное она сама уладила: переехала в город и возобновила свое старое знакомство со столяром Энгстраном; вероятно, дала ему понять о своем капитальце и сочинила басню о каком-то иностранце, будто бы приезжавшем сюда летом на яхте. И вот их спешно повенчали. Да вы же сами и венчали их.

ПАСТОР МАНДЕРС. Но как же объяснить себе... Я так ясно помню, Энгстран пришел ко мне с просьбой повенчать их – такой расстроенный, так горько каялся в легкомыслии, в котором провинились они с невестой...

ФРУ АЛВИНГ. Ну да, ему пришлось взять вину на себя.

ПАСТОР МАНДЕРС. Но такое притворство! И передо мной! Этого я, право, не ожидал от Якоба Энгстрана. Я же его отчитаю! Узнает он у меня!.. Такая безнравственность... Из-за денег!.. Какой же суммой располагала девушка?

ФРУ АЛВИНГ. Триста специй-далеров.

ПАСТОР МАНДЕРС. Подумать только – из-за каких-то дрянных трехсот далеров сочетаться браком с падшей женщиной!

ФРУ АЛВИНГ. Что же вы скажете обо мне? Я сочеталась с падшим мужчиной!

ПАСТОР МАНДЕРС. Господи помилуй! Что вы говорите! С падшим мужчиной!..

ФРУ АЛВИНГ. Или, по-вашему, Алвинг, когда я шла с ним под венец, был непорочнее Иоханны, когда с ней шел под венец Энгстран?

ПАСТОР МАНДЕРС. Да это же несоизмеримая разница...

ФРУ АЛВИНГ. Вовсе не такая уж разница. То есть разница была – в цене.

Какие-то жалкие триста далеров – и целое состояние.

ПАСТОР МАНДЕРС. Нет, как это вы можете сравнивать нечто совершенно несравнимое! Вы ведь следовали влечению своего сердца и советам близких вам людей.

ФРУ АЛВИНГ (*не глядя на него*). Я думала, вы понимали, куда меня влекло тогда то, что вы называете моим сердцем.

ПАСТОР МАНДЕРС (*холодно*). Если бы я понимал что-либо, я не был бы ежедневным гостем в доме вашего мужа.

ФРУ АЛВИНГ. Во всяком случае, несомненно то, что я не посоветовалась тогда хорошенько с самой собою.

ПАСТОР МАНДЕРС. Так зато с вашими близкими, как оно и полагается: с вашей матушкой и обеими тетушками.

ФРУ АЛВИНГ. Это правда. И они втроем и решили за меня. О, прямо невероятно, как живо и просто они пришли к выводу, что было бы сущим безумием пренебречь подобным предложением. Встала бы теперь моя мать из гроба да посмотрела, что вышло из этого блестящего брака!

ПАСТОР МАНДЕРС. За результат никто не может поручиться. Во всяком случае, бесспорно, что ваш брак совершился законным порядком.

ФРУ АЛВИНГ (*у окна*). Да, этот закон и порядок! Мне часто приходит на ум, что в этом-то и причина всех бед на земле.

ПАСТОР МАНДЕРС. Фру Алвинг, вы грешите.

ФРУ АЛВИНГ. Может быть. Но я больше не могу мириться со всеми этими связывающими по рукам и по ногам условностями. Не могу. Я хочу добиться свободы.

ПАСТОР МАНДЕРС. Что вы хотите сказать?

ФРУ АЛВИНГ (*барабана по подоконнику*). Совсем не следовало мне набрасывать покров на жизнь, какую вел Алвинг. Но тогда я, по трусости своей, не могла поступить иначе. Между прочим, из личных соображений. Так я была труслива.

ПАСТОР МАНДЕРС. Трусливы?

ФРУ АЛВИНГ. Да, узнай люди что-либо, они бы рассудили: бедняга! Понятно, что он кутит, раз у него такая жена, которая уже раз бросала его!

ПАСТОР МАНДЕРС. И до известной степени имели бы основание.

ФРУ АЛВИНГ (*глядя на него в упор*). Будь я такова, какой мне следовало быть, я бы призвала к себе Освальда и сказала ему: «Слушай, мой мальчик, отец твой был развратник...»

ПАСТОР МАНДЕРС. Но, милосердный...

ФРУ АЛВИНГ... и рассказала бы ему все, как сейчас вам, – все, от слова до слова.

ПАСТОР МАНДЕРС. Я готов возмутиться вашими словами, сударыня.

ФРУ АЛВИНГ. Знаю, знаю. Меня самое возмущают эти мысли. (Отходя от окна.) Вот как я труслива.

ПАСТОР МАНДЕРС. И вы зовете трусостью то, что является вашим прямым долгом, обязанностью! Вы забыли, что дети должны любить и чтить своих родителей?

ФРУ АЛВИНГ. Не будем делать обобщений. Зададим себе такой вопрос: должен ли Освальд любить и чтить камергера Алвинга?

ПАСТОР МАНДЕРС. Разве ваше материнское сердце не запрещает вам разрушать идеалы вашего сына?

ФРУ АЛВИНГ. А с истиной-то как же быть?

ПАСТОР МАНДЕРС. А с идеалами?

ФРУ АЛВИНГ. Ах, идеалы, идеалы! Не будь я только такой трусливой...

ПАСТОР МАНДЕРС. Не пренебрегайте идеалами, фру Алвинг, – это влечет за собой жестокое возмездие. И особенно, поскольку дело касается Освальда. У него, видимо, не очень-то много идеалов, к сожалению. Но, насколько я могу судить, отец представляется ему в идеальном свете.

ФРУ АЛВИНГ. В этом вы правы.

ПАСТОР МАНДЕРС. И такое представление вы сами в нем создали и укрепили своими письмами.

ФРУ АЛВИНГ. Да, я находилась под давлением долга и разных соображений. И вот я лгала сыну, лгала из года в год. О, какая трусость, какая трусость!

ПАСТОР МАНДЕРС. Вы создали в душе вашего сына счастливую иллюзию, фру Алвинг... Не умаляйте значения этого.

ФРУ АЛВИНГ. Гм, кто знает, хорошо ли это, в сущности?.. Но никаких историй с Региной я все-таки не допущу. Нельзя, чтобы он сделал бедную девушку несчастной.

ПАСТОР МАНДЕРС. Нет, боже упаси! Это было бы ужасно.

ФРУ АЛВИНГ. И знай я еще, что это с его стороны серьезно, что это могло бы составить его счастье...

ПАСТОР МАНДЕРС. Что? Как?

ФРУ АЛВИНГ. Но этого не может быть. Регина, к сожалению, не такова.

ПАСТОР МАНДЕРС. А если бы... Что вы хотели сказать?

ФРУ АЛВИНГ. Что, не будь я такой жалкой трусихой, я бы сказала ему: енись на ней или устраивайтесь как хотите, но только без обмана.

ПАСТОР МАНДЕРС. Но, боже милостивый!.. Сочетать их законным

браком! Это нечто ужасное, нечто неслыханное!..

ФРУ АЛВИНГ. Вы говорите, неслыханное? А, положи руку на сердце, пастор Мандерс, вы разве не допускаете, что здесь кругом немало найдется супругов, которые находятся в столь же близком родстве?

ПАСТОР МАНДЕРС. Я вас решительно не понимаю.

ФРУ АЛВИНГ. Ну, положим, понимаете.

ПАСТОР МАНДЕРС. Ну да, вы подразумеваете возможные случаи, что... Конечно, к сожалению, семейная жизнь действительно не всегда отличается должной чистотой. Но в тех случаях, на которые вы намекаете, никому ведь ничего не известно, во всяком случае, – ничего определенного. А тут напротив... И вы, мать, могли бы захотеть, чтобы ваш...

ФРУ АЛВИНГ. Да ведь я не хочу вовсе. Я именно не хочу допускать ничего такого! Ни за что на свете! Как раз об этом я и говорю.

ПАСТОР МАНДЕРС. Ну да, из трусости, как вы сами выразились. А если бы вы не трусили?.. Создатель, такая возмутительная связь!

ФРУ АЛВИНГ. Ну, в конце-то концов, все же мы произошли от подобных связей, как говорят. И кто же установил такой порядок в мире, пастор Мандерс?

ПАСТОР МАНДЕРС. Подобные вопросы я не буду обсуждать с вами. Не тот в вас дух. Но как вы можете говорить, что это одна трусость с вашей стороны?..

ФРУ АЛВИНГ. Послушайте, как я сужу об этом. Я труслива потому, что во мне сидит нечто отжившее – вроде привидений, от которых я никак не могу отделаться.

ПАСТОР МАНДЕРС. Как вы назвали это?

ФРУ АЛВИНГ. Это нечто вроде привидений. Когда я услышала там, в столовой, Регину и Освальда, мне почудилось, что предо мной выходцы с того света. Но я готова думать, что и все мы такие выходцы, пастор Мандерс. В нас сказывается не только то, что перешло к нам по наследству от отца с матерью, но дают себя знать и всякие старые отжившие понятия, верования и тому подобное. Все это уже не живет в нас, но все-таки сидит еще так крепко, что от него не отделаться. Стоит мне взять в руки газету, и я уже вижу, как шмыгают между строками эти могильные выходцы. Да, верно, вся страна кишит такими привидениями; должно быть, они неисчислимы, как песок морской. А мы жалкие трусы, так боимся света!..

ПАСТОР МАНДЕРС. Ага, вот они плоды вашего чтения!.. Славные плоды, нечего сказать! Ах, эти отвратительные, возмутительные вольнодумные сочинения!

ФРУ АЛВИНГ. Вы ошибаетесь, дорогой пастор. Это вы сами пробуди

во мне мысль. Вам честь и слава.

ПАСТОР МАНДЕРС. Мне?!

ФРУ АЛВИНГ. Да, вы принудили меня подчиниться тому, что вы называли долгом, обязанностью. Вы восхваляли то, против чего возмущалась вся моя душа. И вот я начала рассматривать, разбирать ваше учение. Я хотела распутать лишь один узелок, но едва я развязала его – все расплозлось по швам. И я увидела, что это машинная строчка.

ПАСТОР МАНДЕРС (*тихо, потрясенный*). Да неужели это и есть все мое достижение в самой тяжелой борьбе за всю мою жизнь?..

ФРУ АЛВИНГ. Зовите это лучше самым жалким своим поражением.

ПАСТОР МАНДЕРС. Это была величайшая победа в моей жизни, Элене. Победа над самим собой.

ФРУ АЛВИНГ. Это было преступление против нас обоих.

ПАСТОР МАНДЕРС. Преступление, что я сказал вам: вернитесь к вашему законному супругу, когда вы пришли ко мне обезумевшая, с криком: «Вот я, возьми меня!»? Это было преступление?

ФРУ АЛВИНГ. Да, мне так кажется.

ПАСТОР МАНДЕРС. Мы с вами не понимаем друг друга.

ФРУ АЛВИНГ. Во всяком случае, перестали понимать.

ПАСТОР МАНДЕРС. Никогда... никогда в самых сокровенных своих помыслах не относился я к вам иначе, нежели к супруге другого.

ФРУ АЛВИНГ. Да, в самом деле?

ПАСТОР МАНДЕРС. Элене!..

ФРУ АЛВИНГ. Человек так легко забывает.

ПАСТОР МАНДЕРС. Не я. Я тот же, каким был всегда.

ФРУ АЛВИНГ (*меняя тон*). Да, да, да, не будем больше говорить о прошлом. Теперь вы с головой ушли в свои комиссии и заседания, а я брожу тут и борюсь с привидениями, и с внутренними и с внешними.

ПАСТОР МАНДЕРС. Отогнуть внешних я вам помогу. После всего того, о чем я с ужасом узнал от вас сегодня, я не могу со спокойной совестью оставить в вашем доме молодую, неопытную девушку.

ФРУ АЛВИНГ. Не лучше ли всего было бы ее пристроить? То есть выдать замуж за хорошего человека.

ПАСТОР МАНДЕРС. Без сомнения. Я думаю, это во всех отношениях было бы для нее желательно. Регина как раз в таких годах, что... То есть я, собственно, несведущ в таких делах, но...

ФРУ АЛВИНГ. Регина рано созрела.

ПАСТОР МАНДЕРС. Не правда ли? Мне помнится, что она уже была поразительно развита физически, когда я готовил ее к конфирмации. Но

пока что ее следует отправить домой, под надзор отца... Ах да, Энгстран ведь не... И он, он мог так обманывать меня!

Сцена вторая.

Стук в дверь в передней.

ФРУ АЛВИНГ. Кто бы это? Войдите!

ЭНГСТРАН. *(одетый по-праздничному, в дверях)*. Прощенья просим, но...

ПАСТОР МАНДЕРС. Ага! Гм!..

ФРУ АЛВИНГ. А, это вы, Энгстран?

ЭНГСТРАН. Там никого не было из прислуги, и я осмелился войти.

ФРУ АЛВИНГ. Ну-ну, войдите же. Вы ко мне?

ЭНГСТРАН *(входя)*. Нет, благодарим покорно. Мне бы вот господину пастору сказать словечко.

ПАСТОР МАНДЕРС *(ходя взад и вперед)*. Гм, вот как? Со мной хотите поговорить? Да?

ЭНГСТРАН. Да, очень бы хотелось.

ПАСТОР МАНДЕРС *(останавливается перед ним)*. Ну-с, позвольте спросить, в чем дело?

ЭНГСТРАН. Дело-то вот какое, господин пастор. Теперь там у нас расчет идет... Премного вами благодарны, сударыня!.. Мы совсем, значит, покончили. Так мне сдается: что хорошо бы нам, – мы ведь так дружно работали все время, – хорошо бы нам помолиться на прощанье.

ПАСТОР МАНДЕРС. Помолиться? В приюте?

ЭНГСТРАН. Или господин пастор думает – это не годится?

ПАСТОР МАНДЕРС. Нет, конечно, вполне годится, но... гм...

ЭНГСТРАН. Я сам завел было тут такие беседы по вечерам...

ФРУ АЛВИНГ. Разве?

ЭНГСТРАН. Да, так, иной раз... На манер душеспасительных, как это называется. Только я простой человек, неученый, – просвети меня господи, – без настоящих понятий... Так я и подумал, раз сам господин пастор тут...

ПАСТОР МАНДЕРС. Вот видите ли, Энгстран, я должен сначала задать вам один вопрос. Готовы ли вы к такой молитве? Чиста и свободна ли у вас совесть?

ЭНГСТРАН. Ох, господи, спаси меня грешного! Куда уж нам говорить

о совести, господин пастор.

ПАСТОР МАНДЕРС. Нет, именно о ней-то нам и нужно поговорить. Что же вы мне ответите?

ЭНГСТРАН. Да, совесть – она, конечно, не без греха.

ПАСТОР МАНДЕРС. Все-таки сознаетесь! Но не угодно ли вам теперь прямо и чистосердечно объяснить мне: как это понять – насчет Регины?

ФРУ АЛВИНГ (*поспешно*). Пастор Мандерс!

ПАСТОР МАНДЕРС (*успокаивающим тоном*). Предоставьте мне!..

ЭНГСТРАН. Регины? Господи Иисусе! Как вы меня напугали! (*Смотрит на фру Алвинг.*) Не стряслось же с нею беды?

ПАСТОР МАНДЕРС. Надеемся. Но я спрашиваю: как вам приходится Регина? Вас считают ее отцом... Ну?

ЭНГСТРАН (*неуверенно*). Да... гм... господину пастору известно, как у нас вышло дело с покойницей Иоханной?

ПАСТОР МАНДЕРС. Никаких уверток больше, все на чистоту! Ваша покойная жена призналась фру Алвинг во всем, прежде чем отошла от места.

ЭНГСТРАН. Ах, чтоб... Все-таки, значит?..

ПАСТОР МАНДЕРС. Да, вы разоблачены, Энгстран.

ЭНГСТРАН. А она-то клялась и проклинала себя на чем свет стоит...

ПАСТОР МАНДЕРС. Проклинала?

ЭНГСТРАН. Нет, она только клялась, но всею душой.

ПАСТОР МАНДЕРС. И вы в течение стольких лет скрывали от меня правду? Скрывали от меня, когда я так безусловно верил вам во всем!

ЭНГСТРАН. Да, видно, так уж вышло, делать нечего.

ПАСТОР МАНДЕРС. Заслужил я это от вас, Энгстран? Не готов ли я был всегда поддержать вас и словом и делом, насколько мог? Отвечайте. Да?

ЭНГСТРАН. Да, пожалуй, плохо бы пришлось мне и не раз и не два, не будь пастора Мандерса.

ПАСТОР МАНДЕРС. И вы мне так отплатили? Заставить меня занести неподобающую запись в церковную книгу! Скрывать от меня в течение стольких лет истинную правду! Ваш поступок непростителен, Энгстран, и отныне между нами все кончено.

ЭНГСТРАН (*со вздохом*). Да, пожалуй, так оно и выходит.

ПАСТОР МАНДЕРС. А вы разве могли бы что-нибудь сказать в свое оправдание?

ЭНГСТРАН. Да чего ж ей было ходить да благовестить об этом – срамить себя еще пуще? Представьте-ка себе, господин пастор, стрясись с

вами такое, как с покойницей Иоханной...

ПАСТОР МАНДЕРС. Со мной!

ЭНГСТРАН. Господи Иисусе! Да не аккурат такое! Я хотел сказать: стрясись с пастором что-нибудь такое неладное, за что люди глаза колют, как говорится. Не приходится нашему брату мужчине больно строго судить бедную женщину.

ПАСТОР МАНДЕРС. Я и не сужу ее. Я вас упрекаю.

ЭНГСТРАН. А дозволено будет задать господину пастору один вопросец?

ПАСТОР МАНДЕРС. Спрашивайте.

ЭНГСТРАН. Подобаает ли человеку поднять павшего?

ПАСТОР МАНДЕРС. Само собой.

ЭНГСТРАН. И подобаает ли человеку держать свое чистосердечное слово?

ПАСТОР МАНДЕРС. Разумеется, но...

ЭНГСТРАН. Вот как стряслась с ней беда из-за этого англичанина, а может, американца или русского, как их там знать? – так она и перебралась в город. Бедняжка спервоначалу-то отвертывалась было от меня и раз и два; ей все, вишь, красоту подавай, а у меня изъян в ноге. Господин пастор знает, как я раз отважился зайти в танцевальное заведение, где бражничали да, как говорится, услаждали свою плоть матросы, и хотел обратить их на путь истинный...

ФРУ АЛВИНГ (у окна). Гм...

ПАСТОР МАНДЕРС. Знаю, Энгстран. Эти грубияны спустили вас с лестницы. Вы уже рассказывали мне об этом. Ваше увечье делает вам честь.

ЭНГСТРАН. Я-то не величаюсь этим, господин пастор. Я только хотел сказать, что она пришла ко мне и призналась во всем с горячими слезами и скрежетом зубным. И должен сказать, господин пастор, страсть мне жалко ее стало.

ПАСТОР МАНДЕРС. Так ли это, Энгстран? Ну, дальше?

ЭНГСТРАН. Ну, я и говорю ей: американец твой гуляет по белу свету. А ты, Иоханна, говорю, пала и потеряла себя. Но Якоб Энгстран, говорю, твердо стоит на ногах. Я, то есть, так сказать, вроде как притчею с ней говорил, господин пастор.

ПАСТОР МАНДЕРС. Я понимаю. Продолжайте, продолжайте.

ЭНГСТРАН. Ну вот, я и поднял ее и сочетался с ней законным браком, чтобы люди и не знали, как она там путалась с иностранцами.

ПАСТОР МАНДЕРС. В этом отношении вы прекрасно поступили. Я

не могу только одобрить, что вы согласились взять деньги.

ЭНГСТРАН. Деньги? Я? Ни гроша.

ПАСТОР МАНДЕРС (*вопросительно глядя на фру Алвинг*). Однако...

ЭНГСТРАН. Ах да, погодите, вспомнил. У Иоханны, правда, водились какие-то деньжонки. Да о них я и знать не хотел. Я говорил, что это мамон, плата за грех – это дрянное золото... или бумажки – что там было?.. Мы бы их швырнули в лицо американцу, говорю, да он так и сгиб, пропал за морем, господин пастор.

ПАСТОР МАНДЕРС. Так ли, добрый мой Энгстран?

ЭНГСТРАН. Да как же! Мы с Иоханной и порешили воспитать на эти деньги ребенка. И так и сделали. И я в каждом, то есть, гроше могу оправдаться.

ПАСТОР МАНДЕРС. Но это значительно меняет дело.

ЭНГСТРАН. Вот как оно все было, господин пастор. И, смею сказать, я был настоящим отцом Регине, сколько сил хватало... Я ведь слабый.

ПАСТОР МАНДЕРС. Ну-ну, дорогой Энгстран...

ЭНГСТРАН. Но, смею сказать, воспитал ребенка и жил с покойницей в любви и согласии, учил ее и держал в повиновении, как указано в писании. И никогда мне на ум не впадало пойти к пастору да похвастаться, что вот, мол и я раз в жизни сделал доброе дело. Нет, Якоб Энгстран сделает да помалкивает. Оно, – что говорить! – не так-то часто, пожалуй, это с ним и бывает. И как придешь к пастору, так впору о грехах своих поговорить. Ибо скажу еще раз, что уже говорил: совесть-то не без греха.

ПАСТОР МАНДЕРС. Вашу руку, Якоб Энгстран.

ЭНГСТРАН. Господи Иисусе, господин пастор?..

ПАСТОР МАНДЕРС. Без отговорок. (*Пожимает ему руку.*) Вот так!

ЭНГСТРАН. И ежели я теперь усердно попрошу прощения у пастора...

ПАСТОР МАНДЕРС. Вы? Напротив, я должен просить у вас прощения...

ЭНГСТРАН. Ой! Боже упаси!

ПАСТОР МАНДЕРС. Да, да. И я прошу от всего сердца. Простите, что я так несправедливо судил о вас. И дай бог, чтобы мне представился случай дать вам какое-нибудь доказательство моего искреннего сожаления и расположения к вам.

ЭНГСТРАН. Господину пастору угодно было бы?..

ПАСТОР МАНДЕРС. С величайшим удовольствием.

ЭНГСТРАН. Так вот как раз подходящее дело. На эти благословенные денежки, что я тут сколотил, затеял я основать в городе заведение для

моряков.

ФРУ АЛВИНГ. Разве?

ЭНГСТРАН. Да, вроде приюта, так сказать. Сколько ведь соблазнов караулит бедного моряка, когда он на суше! А у меня в доме он был бы, как у отца родного, под призором.

ПАСТОР МАНДЕРС. Что вы на это скажете, фру Алвинг?

ФРУ АЛВИНГ. Конечно, маловато у меня наличных, не на что развернуться, помощи господи! А кабы мне подали благотворительную руку помощи...

ПАСТОР МАНДЕРС. Да, да, мы еще поговорим об этом, обсудим. Ваш план мне весьма нравится. Но ступайте теперь и приготовьте все, что нужно, да зажгите свечи, чтобы поторжественнее было. И побеседуем, помолимся вместе, дорогой Энгстран. Теперь я верю, что вы как раз в подобающем настроении.

ЭНГСТРАН. И мне так думается. Прощайте, сударыня, и благодарствуйте. Да берегите мою Регину. *(Оттирает слезу.)* Дочка Иоханны покойницы, а вот, подите ж, словно приросла к моему сердцу. Да, так-то. *(Кланяется и уходит в переднюю.)*

Сцена третья.

ПАСТОР МАНДЕРС. Ну, что вы скажете, фру Алвинг? Дело получило совершенно иное истолкование.

ФРУ АЛВИНГ. Да, действительно.

ПАСТОР МАНДЕРС. Видите, как осторожно приходится судить ближнего. Но зато и отрадно же убеждаться в своей ошибке. Что вы скажете?

ФРУ АЛВИНГ. Я скажу: вы были и останетесь большим ребенком, Мандерс.

ПАСТОР МАНДЕРС. Я?

ФРУ АЛВИНГ *(положив ему обе руки на плечи)*. И еще скажу: мне от души хотелось бы обнять вас.

ПАСТОР МАНДЕРС *(пятясь быстро назад)*. Нет, нет, господь с вами... такие желания...

ФРУ АЛВИНГ *(улыбаясь)*. Ну-ну, не бойтесь.

ПАСТОР МАНДЕРС *(у стола)*. У вас иногда такая преувеличенная манера выражаться. Ну, теперь я прежде всего соберу и уложу все бумаги в сумку. *(Укладывает бумаги.)* Вот так. И до свидания. Смотрите в оба, когда

Освальд вернется. Я еще зайду к вам потом. *(Берет шляпу и уходит в переднюю.)*

Сцена четвертая.

ФРУ АЛВИНГ *(вздыхает, выглядывает в окно, прибирает кое-что в комнате, затем открывает дверь в столовую, собираясь войти туда, но останавливается на пороге с подавленным криком)*. Освальд, ты все еще за столом?

ОСВАЛЬД *(из столовой)*. Я докуривал сигару.

ФРУ АЛВИНГ. Я думала, ты давно ушел гулять.

ОСВАЛЬД. В такую-то погоду? *(Слышен звон стакана. Фру Алвинг, оставив дверь открытой, садится с работой на диванчик у окна. Из столовой)*. Это пастор Мандерс сейчас вышел?

ПАСТОР МАНДЕРС. Да, в приют пошел.

ОСВАЛЬД. Гм...

Опять слышно, как звякает графин о стакан.

ФРУ АЛВИНГ *(бросив в ту сторону озабоченный взгляд)*. Милый Освальд, тебе следует остерегаться этого ликера. Он такой крепкий.

ОСВАЛЬД. В сырую погоду это хорошо.

ФРУ АЛВИНГ. Не придешь ли лучше сюда, ко мне?

ОСВАЛЬД. Там ведь нельзя курить.

ФРУ АЛВИНГ. Сигару, ты знаешь, можно.

ОСВАЛЬД. Ну-ну, так приду. Только еще глоток... Ну вот. *(Выходит из столовой с сигарой и затворяет за собой дверь. Короткая пауза.)* А пастор где?

ФРУ АЛВИНГ. Говорю же тебе, в приют ушел.

ОСВАЛЬД. Ах, да.

ФРУ АЛВИНГ. Тебе бы не следовало так засиживаться за столом, Освальд.

ОСВАЛЬД *(держа сигару за спиной)*. А если мне сидится, мама? *(Ласкает и гладит ее.)* Подумай, что это значит для меня – вернуться домой и сидеть за собственным мамочкиным столом, в мамочкиной комнате и смаковать чудесные мамочкины кушанья!

ФРУ АЛВИНГ. Милый, милый мой мальчик!

ОСВАЛЬД *(расхаживая по комнате с некоторым раздражением и*

покуривая). Да и чем мне тут заняться? Работать нельзя...

ФРУ АЛВИНГ. Разве нельзя?

ОСВАЛЬД. В такую-то серую погоду? Солнце ни разу не проглянет за весь день. (*Ходя взад и вперед.*) Ах, это ужасно – сидеть без дела...

ФРУ АЛВИНГ. Пожалуй, ты поторопился с решением вернуться домой.

ОСВАЛЬД. Нет, мама, так надо было.

ФРУ АЛВИНГ. В десять раз лучше было бы отказаться от счастья видеть тебя здесь, нежели смотреть, как ты...

ОСВАЛЬД (*останавливаясь перед ней*). А скажи мне, мама, в самом ли деле для тебя такое большое счастье видеть меня здесь?

ФРУ АЛВИНГ. Счастье ли это для меня!

ОСВАЛЬД (*комкая газету*). Мне кажется, тебе должно быть почти безразлично, есть ли я, нет ли меня на свете.

ФРУ АЛВИНГ. И у тебя хватает духу сказать это матери, Освальд?

ОСВАЛЬД. Но жила же ты отлично без меня прежде.

ФРУ АЛВИНГ. Да, жила, это правда.

Молчание. Сумерки медленно сгущаются. Освальд ходит по комнате. Сигару он положил.

ОСВАЛЬД (*останавливаясь перед матерью*). Мама, можно мне присесть к тебе на диванчик?

ФРУ АЛВИНГ (*давая ему место возле себя*). Присаживайся, присаживайся, мой милый мальчик.

ОСВАЛЬД (*сядась*). Мне надо сказать тебе кое-что, мама.

ФРУ АЛВИНГ (*напряженно*). Ну? Ну?

ОСВАЛЬД (*вперив взор в пространство*). Не под силу мне дольше выносить эту тяжесть.

ФРУ АЛВИНГ. Да что же? Что с тобой?

ОСВАЛЬД (*по-прежнему*). Я никак не мог решиться написать тебе об этом, а когда вернулся...

ФРУ АЛВИНГ (*хватая его за руку*). Освальд, в чем дело?

ОСВАЛЬД. И вчера и сегодня я всячески старался отогнать от себя эти мысли, махнуть на все рукой. Нет, не тут-то было.

ФРУ АЛВИНГ (*вставая*). Теперь ты должен высказаться, Освальд!

ОСВАЛЬД (*снова привлекает ее к себе на диван*). Нет, седи, седи, и я попытаюсь сказать тебе... Я все жаловался на усталость с дороги...

ФРУ АЛВИНГ. Ну да. Так что же?

ОСВАЛЬД. Но это не то. Не простая усталость.

ФРУ АЛВИНГ (*готова вскочить*). Не болен же ты, Освальд!

ОСВАЛЬД (*опять привлекая ее к себе*). Сиди, мама, – и отнесись к этому спокойно. Я не болею – по-настоящему. Не в том смысле, как это вообще понимают. (*Заламывая руки над головой*.) Мама, я надломлен, разбит духовно... Мне больше не работать, мама, никогда! (*Закрыв лицо руками, порывисто опускает голову на колени матери и рыдает*.)

ФРУ АЛВИНГ (*бледная, дрожащая*). Освальд! Взгляни на меня. Нет, нет, не неправда.

ОСВАЛЬД (*глядит на нее в полном отчаянии*). Никогда не быть в состоянии работать! Никогда... никогда... Быть живым мертвецом! Мама, можешь ты себе представить такой ужас?

ФРУ АЛВИНГ. Несчастный мой мальчик! Откуда же этот ужас?

ОСВАЛЬД (*снова садится, выпрямляясь*). Вот это-то и непостижимо. Я никогда не предавался никаким излишествам. Ни в каком смысле. Ты не думай, мама. Никогда этого я не делал.

ФРУ АЛВИНГ. Я и не думаю, Освальд.

ОСВАЛЬД. И все-таки надо мной разразилось такое ужасное несчастье.

ФРУ АЛВИНГ. Но это пройдет, мой дорогой, милый мальчик. Это простое переутомление и ничего больше. Поверь мне.

ОСВАЛЬД (*удрученно*). И я так думал вначале. Но это не то.

ФРУ АЛВИНГ. Расскажи же мне все по порядку, все, все.

ОСВАЛЬД. Я и хочу.

ФРУ АЛВИНГ. Когда ты начал это замечать?

ОСВАЛЬД. После того, как я в последний раз побывал дома и опять вернулся в Париж. Началось с ужаснейших головных болей, особенно в затылке. Мне как будто надевали на голову узкий железный обруч и завинчивали его на затылке.

ФРУ АЛВИНГ. А затем?

ОСВАЛЬД. Сначала я думал, что это обыкновенные головные боли, которыми я так мучился в переходном возрасте.

ФРУ АЛВИНГ. Да, да...

ОСВАЛЬД. Но скоро заметил, что это не то. Я больше не мог работать. Я собирался начать новую большую картину, но все мои способности как будто изменили мне, все силы иссякли, я не мог сосредоточить своих мыслей... все у меня путалось, в голове... мешалось. О, это было ужасное состояние! Наконец я послал за доктором – и от него узнал, в чем дело.

ФРУ АЛВИНГ. То есть?

ОСВАЛЬД. Это был один из тамошних докторов. Мне пришлось подробно рассказать ему, что я чувствовал и ощущал, а он затем задал мне целый ряд вопросов, которые сначала показались мне совершенно не идущими к делу. Я не понимал, куда он гнет...

ФРУ АЛВИНГ. Ну?

ОСВАЛЬД. Наконец он изрек: вы уже родились с червоточиной в сердцевине. Он именно так и выразился: «vermoulu».

ФРУ АЛВИНГ (*напряженно*). Что же он хотел сказать этим?

ОСВАЛЬД. Я тоже не понял и попросил высказаться яснее. И тогда этот старый циник сказал... (Сжимая кулаки.) О!..

ФРУ АЛВИНГ. Что он сказал?

ОСВАЛЬД. Он сказал: грехи отцов падают на детей.

ФРУ АЛВИНГ (*медленно встает*). Грехи отцов...

ОСВАЛЬД. Я чуть не ударил его по лицу.

ФРУ АЛВИНГ (*отходит в сторону*). Грехи отцов...

ОСВАЛЬД (*с усталой улыбкой*). Да, как тебе нравится! Разумеется, я стал уверять его, что ни о чем подобном здесь не может быть и речи. Но ты думаешь, он сдался? Нет, стоял на своем, и только когда я показал ему твои письма и перевел все те места, где говорилось об отце...

ФРУ АЛВИНГ. Ну?..

ОСВАЛЬД... тогда ему, конечно, пришлось согласиться, что он ошибся, и я узнал истинную правду, непостижимую правду. Мне не следовало предаваться этой веселой, беззаботной жизни наравне со своими товарищами. Я был физически слишком слаб для этого. Итак, сам виноват!

ФРУ АЛВИНГ. Освальд! Нет! Не верь этому!

ОСВАЛЬД. Другого объяснения нет, сказал он. Вот что ужасно. Погубить себя безвозвратно, на всю жизнь, по собственному легкомыслию! И все мои планы, задачи... Не смей и думать о них – не быть в состоянии думать о них! О, если бы только можно было начать жизнь сначала, стереть всякий след того, что было! (*Бросается на диван ничком. Фру Алвинг молча, ломая руки и борясь с собой, ходит по комнате. Освальд немного погодя приподнимается на локте и глядит на мать.*) Если бы еще это было наследственное – делать нечего. Но это!.. Таким позорным, бессмысленным, легкомысленным образом разрушить собственное счастье, собственное здоровье, загубить все свое будущее, всю жизнь свою!..

ФРУ АЛВИНГ. Нет, нет, мой дорогой, милый мальчик! Это невозможно. (*Наклоняясь над ним.*) Положение твое не так безнадежно, как ты думаешь.

ОСВАЛЬД. Ах, ты не знаешь... (*Вскакивая.*) И вдобавок еще

причинить тебе такое ужасное горе! Сколько раз я готов был желать и надеяться, что ты, в сущности, не очень-то нуждаешься во мне.

ФРУ АЛВИНГ. Я! Освальд? Когда ты мой единственный сын... единственное мое сокровище... единственное, чем я дорожу на свете!..

ОСВАЛЬД (*схватывая ее за обе руки, целует их*). Да, да, я вижу, вижу. Когда я дома, я вижу это. И это мне всего тяжелее. Но теперь ты все знаешь. И мы больше не будем говорить об этом сегодня. Я не могу подолгу думать об этом... (*Отходя в сторону.*) Дай мне чего-нибудь выпить, мама.

ФРУ АЛВИНГ. Выпить? Чего же ты хочешь?

ОСВАЛЬД. Все равно. Найдется у тебя холодный пунш?

ФРУ АЛВИНГ. Но, милый Освальд!

ОСВАЛЬД. Ну, мама, не спорь. Пожалуйста. Надо же мне чем-нибудь заглушить эти грызущие мысли. (*Идет на веранду.*) И вдобавок – эта темнота здесь. (*Фру Алвинг дергает за сонетку.*) И этот непрерывный дождь. Так может тянуться недели, месяцы. Ни единого проблеска солнца. Я не припомню, чтобы хоть раз видел здесь солнце за все мои наезды домой.

ФРУ АЛВИНГ. Освальд... ты думаешь уехать от меня?

ОСВАЛЬД. Гм... (*Тяжело переводя дух.*) Я ни о чем не думаю. Не могу ни о чем думать. (*Глухо.*) Приходится отложить попечение.

Сцена пятая.

РЕГИНА. Звонили, сударыня?

ФРУ АЛВИНГ. Да, сюда надо лампу.

РЕГИНА. Сейчас. Я уже зажгла. (*Уходит.*)

ФРУ АЛВИНГ (*подходя к Освальду*). Освальд, не скрывай от меня ничего.

ОСВАЛЬД. Я и не скрываю, мама. (*Идя к столу.*) Мне кажется, я уже достаточно сказал тебе.

РЕГИНА вносит зажженную лампу и ставит ее на стол.

ФРУ АЛВИНГ. Слушай, Регина, принеси-ка нам полбутылки шампанского.

РЕГИНА. Хорошо, сударыня. (*Уходит.*)

ОСВАЛЬД (*обнимая мать за голову*). Вот как. Я знал, что мама не заставит меня изнывать от жажды.

ФРУ АЛВИНГ. Да, мой бедный, милый мальчик. Разве я могу в чем-

нибудь отказать тебе?

ОСВАЛЬД (*оживясь*). Это правда, мама? Ты это серьезно говоришь?

ФРУ АЛВИНГ. Что именно?

ОСВАЛЬД. Что ты ни в чем не можешь мне отказать.

ФРУ АЛВИНГ. Но, дорогой Освальд...

ОСВАЛЬД. Тсс!

РЕГИНА (*приносит поднос с полбутылкой шампанского и двумя бокалами и ставит его на стол*). Откупорить?

ОСВАЛЬД. Нет, спасибо, я сам.

РЕГИНА уходит.

Сцена шестая.

ФРУ АЛВИНГ (*саясь к столу*). Что ты имел в виду, спрашивая, правда ли, что я не откажу тебе ни в чем?

ОСВАЛЬД (*откупоривая бутылку*). Сначала выпьем бокал, другой. (*Пробка хлопает, он наливает один бокал и хочет налить второй.*)

ФРУ АЛВИНГ (*прикрывая бокал рукой*). Нет, мне не надо.

ОСВАЛЬД. Ну, так я налью еще себе! (*Осушает бокал, снова наливает и осушает, затем садится к столу.*)

ФРУ АЛВИНГ (*выжидательно*). Ну?

ОСВАЛЬД (*не глядя на нее*). Слушай, скажи, мне показалось за столом, что вы с пастором какие-то странные... гм... такие молчаливые.

ФРУ АЛВИНГ. Ты заметил?

ОСВАЛЬД (*после короткой паузы*). Да. Гм... Скажи мне, как тебе нравится Регина?

ФРУ АЛВИНГ. Как она мне нравится?

ОСВАЛЬД. Да. Правда, она чудесная?

ФРУ АЛВИНГ. Милый Освальд, ты не знаешь ее так близко, как я...

ОСВАЛЬД. Ну?

ФРУ АЛВИНГ. Регина, к сожалению, слишком долго жила у своих родителей. Мне следовало бы взять ее к себе пораньше.

ОСВАЛЬД. Да, но разве она не прелесть? (*Наливает себе шампанского.*)

ФРУ АЛВИНГ. У Регины много недостатков, и крупных...

ОСВАЛЬД. Ну что ж из этого?

ФРУ АЛВИНГ. Но все-таки я люблю ее. И я в ответе за нее. Я ни за что на свете не хотела бы, чтобы с нею что-нибудь случилось.

ОСВАЛЬД (*вскакивая*). Мама, в Регине все мое спасение!

ФРУ АЛВИНГ (*вставая*). В каком смысле?

ОСВАЛЬД. Я не могу, не в силах нести эту муку один.

ФРУ АЛВИНГ. А мать? Она не может тебе помочь?

ОСВАЛЬД. Я и сам так думал сначала. Потому и вернулся к тебе. Но ничего не выходит, так нельзя. Вижу, мне здесь не выдержать.

ФРУ АЛВИНГ. Освальд!

ОСВАЛЬД. Мне нужна иная жизнь, мама. И потому я должен уехать от тебя. Я не хочу, чтобы ты мучилась из-за меня.

ФРУ АЛВИНГ. Несчастный мой мальчик! О! Но хоть пока ты болен, Освальд!..

ОСВАЛЬД. Ах, если бы только одна эта болезнь, я бы остался у тебя, мама. Ты ведь мой первый друг в мире.

ФРУ АЛВИНГ. Не правда ли, Освальд!

ОСВАЛЬД (*беспокойно бродя по комнате*). Но все эти муки – угрызения совести, раскаяние... и этот безграничный, смертельный страх... Этот невыносимый ужас...

ФРУ АЛВИНГ (*следуя за ним*). Ужас? Какой ужас? Что ты говоришь!

ОСВАЛЬД. Не расспрашивай. Я сам не знаю. Не могу объяснить. (*Фру Алвинг идет направо и звонит.*) Что ты хочешь?

ФРУ АЛВИНГ. Хочу, чтобы мой мальчик развеселился. Не бродил бы тут со своими думами. (*Вошедшей Регине.*) Еще шампанского. Целую бутылку.

Регина уходит.

ОСВАЛЬД. Мама!

ФРУ АЛВИНГ. Ты думаешь, мы не умеем жить тут в деревне?

ОСВАЛЬД. Ну разве она не прелесть? Как сложена! И так и пышет здоровьем.

ФРУ АЛВИНГ (*саясь к столу*). Садись, Освальд, и поговорим спокойно.

ОСВАЛЬД (*тоже саясь к столу*). Ты, видно, не знаешь, мама, что я виноват перед Региной и должен загладить свою вину.

ФРУ АЛВИНГ. Ты?

ОСВАЛЬД. Или свою необдуманность, если хочешь. Вполне невинную, впрочем. В последний мой приезд домой...

ФРУ АЛВИНГ. Да?

ОСВАЛЬД... она все расспрашивала меня о Париже, и я рассказывал ей о том, о сем. И помню, раз сказал ей: «А тебе самой хотелось бы побывать там?»

ФРУ АЛВИНГ. Ну?

ОСВАЛЬД. Она вся вспыхнула и ответила, что, конечно, очень бы хотелось. А я и скажи ей: «Ну, мы это как-нибудь устроим»... или что-то в этом роде.

ФРУ АЛВИНГ. Дальше?

ОСВАЛЬД. Потом, разумеется, я позабыл обо всем. Но вот третьего дня спрашиваю ее, рада ли она, что я остаюсь тут так надолго...

ФРУ АЛВИНГ. Ну?

ОСВАЛЬД. А она как-то странно посмотрела на меня и говорит: «А как же моя поездка в Париж?»

ФРУ АЛВИНГ. Ее поездка!

ОСВАЛЬД. И вот я стал ее расспрашивать и узнал, что она приняла мои слова всерьез и только все и мечтала об этом. Начала даже учиться по-французски...

ФРУ АЛВИНГ. Так вот зачем...

ОСВАЛЬД. Мама, когда я увидал перед собой эту чудесную, красивую, свежую девушку, – прежде я как-то не обращал на нее особого внимания, – а тут, когда она стояла передо мной, словно готовая раскрыть мне свои объятия...

ФРУ АЛВИНГ. Освальд!

ОСВАЛЬД... во мне вдруг точно сверкнуло: в ней все твое спасение! Потому что я увидел, что в ней столько жизнерадостности.

ФРУ АЛВИНГ. *(пораженная)*. Жизнерадостности!.. В этом может быть спасение?

Сцена седьмая.

РЕГИНА *(входит из столовой с бутылкой шампанского)*. Извините, что замешкалась; пришлось в погреб слазить... *(Ставит бутылку на стол.)*

ОСВАЛЬД. И принеси еще бокал.

РЕГИНА *(удивленно глядя на него)*. Здесь есть бокал для барыни, господин Алвинг.

ОСВАЛЬД. Да, а ты еще для себя принеси, Регина. *(Регина вздрагивает и быстро испуганно косится на фру Алвинг.)* Ну?

РЕГИНА *(тихо, с запинкой)*. Барыне это угодно?

ФРУ АЛВИНГ. Принеси бокал, Регина.

РЕГИНА уходит в столовую.

ОСВАЛЬД *(глядя ей вслед)*. Ты обращала внимание на ее походку?

Какая твердая и свободная поступь!

ФРУ АЛВИНГ. Этому не бывать, Освальд!

ОСВАЛЬД. Это решено. Ты же видишь. Нечего и спорить. (*Регина возвращается, держа в руке пустой бокал.*) Садись, Регина.

Регина вопросительно смотрит на фру Алвинг.

ФРУ АЛВИНГ. Садись. (*Регина садится на стул у дверей в столовую, все продолжая держать в руках пустой бокал.*) Освальд, что ты начал насчет жизнерадостности?

ОСВАЛЬД. Да, радость жизни, мама, – ее у нас здесь мало знают. Я что-то никогда не ощущаю ее здесь.

ФРУ АЛВИНГ. И когда ты здесь, у меня?

ОСВАЛЬД. И когда я здесь, мама. Но ты этого не понимаешь.

ФРУ АЛВИНГ. Нет, нет, мне кажется, почти понимаю... теперь.

ОСВАЛЬД. Радость жизни – и радость труда. Да, в сущности, это одно и то же. Но и ее здесь не знают.

ФРУ АЛВИНГ. Пожалуй, ты прав, Освальд. Ну, говори, говори. Объяснись хорошенько.

ОСВАЛЬД. Да я только хотел сказать, что здесь участь людей смотреть на труд, как на проклятие и наказание за грехи, а на жизнь – как на юдоль скорби, от которой чем скорей, тем лучше избавиться.

ФРУ АЛВИНГ. Да, юдоль печали. Мы и стараемся всеми правдами-неправдами превратить ее в таковую.

ОСВАЛЬД. А там люди и знать ничего такого не хотят. Там никто больше не верит такого рода поучениям. Там радуются жизни. Жить, существовать – считается уже блаженством. Мама, ты заметила, что все мои картины написаны на эту тему? Все говорят о радости жизни. В них свет, солнце и праздничное настроение – и сияющие, счастливые человеческие лица. Вот почему мне и страшно оставаться здесь, у тебя.

ФРУ АЛВИНГ. Страшно? Чего же ты боишься у меня?

ОСВАЛЬД. Боюсь, что все, что во мне есть, выродится здесь в безобразное.

ФРУ АЛВИНГ (глядя на него в упор). Ты думаешь, это возможно?

ОСВАЛЬД. Я уверен в этом. Если повести здесь такую жизнь, как там, – это будет уже не та жизнь.

ФРУ АЛВИНГ (*слушавшая с напряженным вниманием, встает с широко раскрытыми, полными думы глазами и говорит*). Так вот откуда все пошло. Теперь я поняла.

ОСВАЛЬД. Что ты поняла?
ФРУ АЛВИНГ. Впервые поняла, уразумела. И могу говорить.
ОСВАЛЬД (*встает*). Мама, я тебя не понимаю.
РЕГИНА (*тоже встав*). Не уйти ли мне?
ФРУ АЛВИНГ. Нет, оставайся. Теперь я могу говорить. Ты узнаешь теперь все, мой мальчик. И выберешь!.. Освальд, Регина...
ОСВАЛЬД. Тсс!.. Пастор!..

Сцена восьмая.

ПАСТОР МАНДЕРС (*входит из передней*). Ну вот, провели славный часок в задушевной беседе.
ОСВАЛЬД. И мы тоже.
ПАСТОР МАНДЕРС. Надо помочь Энгстрану устроить это убежище для моряков. Пусть Регина переедет к нему помогать.
РЕГИНА. Нет, благодарствуйте, господин пастор.
ПАСТОР МАНДЕРС (*только что заметив ее*). Что?.. Тут – и с бокалом в руках!
РЕГИНА (*быстро ставя бокал на стол*). Pardon!
ОСВАЛЬД. Регина уезжает со мной, господин пастор.
ПАСТОР МАНДЕРС. Уезжает? С вами?!
ОСВАЛЬД. Да, в качестве моей жены, если она потребует этого.
ПАСТОР МАНДЕРС. Но, боже милосердный!..
РЕГИНА. Я тут ни при чем, господин пастор.
ОСВАЛЬД. Или останется здесь, если я останусь.
РЕГИНА (*невольно*). Здесь?
ПАСТОР МАНДЕРС. Я просто столбенею, фру Алвинг!
ФРУ АЛВИНГ. Не будет ни того, ни другого. Теперь я могу открыть всю правду.
ПАСТОР МАНДЕРС. Да не хотите же вы в самом деле!.. Нет, нет, нет!
ФРУ АЛВИНГ. Да! Я могу и хочу. И никакие идеалы ль этого не рушатся.
ОСВАЛЬД. Мама, что такое вы скрываете от меня?
РЕГИНА (*прислушиваясь*). Сударыня! Слышите? Народ кричит! (*Идет на веранду и смотрит в окно.*)
ОСВАЛЬД (*идя к окну налево*). Что случилось? Откуда этот свет?
РЕГИНА (*кричит*). Приют горит!
ФРУ АЛВИНГ (*бросаясь к окну*). Горит?!

ПАСТОР МАНДЕРС. Горит? Быть не может! Я только что оттуда.

ОСВАЛЬД. Где моя шляпа? Ну, все равно... Отцовский приют!..
(Убегает через веранду в сад.)

ФРУ АЛВИНГ. Мою шаль, Регина! Все здание занялось!..

ПАСТОР МАНДЕРС. Ужасно!.. Фру Алвинг, это суд над домом смуты и разлада!

ФРУ АЛВИНГ. Да, да, конечно. Идем, Регина. (Поспешно уходит с Региной через переднюю.)

ПАСТОР МАНДЕРС (всплеснув руками). И не застраховано! (Спешит за ними.)

Действие третье

Та же комната. Все двери настежь. Лампа по-прежнему горит на столе. На дворе темно, только налево на заднем плане слабое зарево. ФРУ АЛВИНГ, в наброшенной на голову шали, стоит на веранде и глядит в сад. РЕГИНА, тоже в платке, стоит чуть-чуть позади нее.

Сцена первая

ФРУ АЛВИНГ. Все сгорело. Дотла.

РЕГИНА. Еще горит в подвалах.

ФРУ АЛВИНГ. Освальд все не идет. Спасать уж нечего.

РЕГИНА. Не снести ли ему шляпу?

ФРУ АЛВИНГ. Он даже без шляпы?

РЕГИНА (указывая в переднюю). Вот она висит.

ФРУ АЛВИНГ. Ну и пусть. Он, верно, сейчас придет. Я пойду сама взглянуть. (Уходит через веранду.)

Сцена вторая

ПАСТОР МАНДЕРС (входит из передней). Фру Алвинг здесь нет?

РЕГИНА. Сейчас только вышла в сад.

ПАСТОР МАНДЕРС. Такой ужасной ночи я еще не переживал.

РЕГИНА. Да, ужасное несчастье, господин пастор.

ПАСТОР МАНДЕРС. Ах, не говорите. Подумать страшно.

РЕГИНА. И как это могло случиться?..

ПАСТОР МАНДЕРС. Не спрашивайте меня, йомфру Энгстран. Почему я знаю? Разве и вы тоже?.. Мало того, что отец ваш...

РЕГИНА. Что он?

ПАСТОР МАНДЕРС. Он меня совсем с толку сбил.

ЭНГСТРАН (входя из передней). Господин пастор...

ПАСТОР МАНДЕРС (испуганно оборачиваясь). Вы и тут за мной по пятам?

ЭНГСТРАН. Да надо же, накажи меня бог! Ох ты, господи Иисусе! Вот грех-то какой вышел, господин пастор.

ПАСТОР МАНДЕРС (*ходя взад и вперед*). Увы! Увы!

РЕГИНА. Да что такое?

ЭНГСТРАН. Ах, это все наша молитва наделала. (*Тихо ей.*) Теперь мы изловим пташку, дочка. (*Вслух.*) И по моей милости пастор наделал такой беды!

ПАСТОР МАНДЕРС. Но уверяю же вас, Энгстран...

ЭНГСТРАН. Да кто же, кроме пастора, возился там со свечками?

ПАСТОР МАНДЕРС (*останавливаясь*). Это вы так говорите. А я, право, не помню, была ли у меня в руках свечка.

ЭНГСТРАН. А я как сейчас гляжу: пастор взял свечку, снял с нее пальцами нагар и бросил в стружки.

ПАСТОР МАНДЕРС. Вы это видели?

ЭНГСТРАН. Своими глазами.

ПАСТОР МАНДЕРС. Понять не могу. И привычки у меня такой нет, снимать нагар пальцами.

ЭНГСТРАН. То-то вы так неумело и сняли. А ведь дело-то, пожалуй, может выйти очень даже скверное, господин пастор, а?

ПАСТОР МАНДЕРС (*в тревоге шагая по комнате*). И не спрашивайте!

ЭНГСТРАН (*идя за ним*). И господин пастор ничего не застраховали?

ПАСТОР МАНДЕРС (*продолжая шагать*). Нет, нет, нет, говорят же вам!

ЭНГСТРАН (*следуя за ним*). Не застраховали. А потом взяли да подпалили. Господи Иисусе! Вот беда!

ПАСТОР МАНДЕРС (*отирая пот со лба*). Да, признаюсь!..

ЭНГСТРАН. И надо же было страстись этакой беде с благотельным заведением, от которого ждали столько пользы для города и для всей окрестности, как говорят. Газеты-то не помилуют господина пастор.

ПАСТОР МАНДЕРС. Да, не пощадят. Вот об этом-то я и думаю. Это чуть ли не хуже всего. Все эти злобные выходки и нападки... Ах, прямо ужас берет подумать.

ФРУ АЛВИНГ (*выходя из сада*). Его и не уведешь оттуда. Помогает тушить.

ПАСТОР МАНДЕРС. Ах, это вы, фру Алвинг.

ФРУ АЛВИНГ. Вот вы и отделались от торжественной речи, пастор Мандерс.

ПАСТОР МАНДЕРС. О, я бы с радостью...

ФРУ АЛВИНГ (*понизив голос*). Оно и к лучшему, что так случилось. На этом приюте не было бы благословения.

ПАСТОР МАНДЕРС. Вы думаете?

ФРУ АЛВИНГ. А вы?

ПАСТОР МАНДЕРС. Но все-таки это ужасное несчастье.

ФРУ АЛВИНГ. Будем смотреть на него с чисто деловой точки зрения.

Вы к пастору, Энгстран?

ЭНГСТРАН (*у дверей в переднюю*). Так точно.

ФРУ АЛВИНГ. Так присядьте пока.

ЭНГСТРАН. Благодарствуйте. Я постою.

ФРУ АЛВИНГ (*пастору*). Вы, вероятно, уедете с пароходом?

ПАСТОР МАНДЕРС. Да. Он через час отходит.

ФРУ АЛВИНГ. Так будьте добры взять все бумаги с собой. Я и слышать больше не хочу об этом деле. У меня есть теперь другие заботы.

ПАСТОР МАНДЕРС. Фру Алвинг...

ФРУ АЛВИНГ. После я вышлю вам полную доверенность. Распожайтесь всем по своему усмотрению.

ПАСТОР МАНДЕРС. Я от души готов взять это на себя. Первоначальное назначение дара – увы! – должно теперь измениться.

ФРУ АЛВИНГ. Само собой.

ПАСТОР МАНДЕРС. Так я думаю пока сделать так: усадьба Сульвик перейдет к здешней общине. Земля все-таки чего-нибудь да стоит. Может пригодиться не на то, так на другое. А на проценты с капитала, положенного в сберегательную кассу, я думаю, лучше всего поддерживать какое-нибудь учреждение, которое могло бы служить на пользу городу.

ФРУ АЛВИНГ. Как вы сами хотите. Мне совершенно все равно.

ЭНГСТРАН. Не забудьте моего убежища для моряков, господин пастор.

ПАСТОР МАНДЕРС. Да, да, это идея! Но надо еще подумать.

ЭНГСТРАН. Какого черта тут думать... Ох, господи Иисусе!

ПАСТОР МАНДЕРС (*со вздохом*). И увы! Я даже не знаю, долго ли мне придется ведать этими делами. Общественное мнение может заставить меня отказаться. Все зависит от того, что выяснит следствие о причинах пожара.

ФРУ АЛВИНГ. Что вы говорите?

ПАСТОР МАНДЕРС. А результата его никак нельзя предвидеть.

ЭНГСТРАН (*приближаясь*). Ну как так? Коли тут сам Якоб Энгстран налицо?

ПАСТОР МАНДЕРС. Да, да, но...

ЭНГСТРАН (*понижая голос*). Якоб Энгстран не таковский человек, чтобы выдать своего благодетеля в час беды, как говорится.

ПАСТОР МАНДЕРС. Но, дорогой мой, как же...

ЭНГСТРАН. Якоб Энгстран, яко ангел-хранитель, как говорится...

ПАСТОР МАНДЕРС. Нет, нет. Я, право, не могу принять такой жертвы.

ЭНГСТРАН. Нет, уж так тому и быть. Я знаю одного человека, который уже раз взял на себя чужую вину...

ПАСТОР МАНДЕРС (*жмет ему руку*). Якоб! Вы редкая личность. Ну, зато вам и будет оказана помощь – на ваше убежище. Можете положиться на меня. (*Энгстран хочет поблагодарить, но не может от избытка чувств. Вешает свою сумку через плечо*). И в путь. Мы поедем вместе.

ЭНГСТРАН (*около дверей в столовую, тихо Регине*). Едем со мной, девчонка. Будешь как сыр в масле кататься.

РЕГИНА (*закидывая голову*). Mercі! (*Идет в переднюю и приносит оттуда пастору пальто*.)

ПАСТОР МАНДЕРС. Всего хорошего, фру Алвинг. И дай бог, чтобы дух порядка и законности скорее водворился в этом жилище!

ФРУ АЛВИНГ. Прощайте, Мандерс. (*Идет на веранду навстречу Освальду, входящему из сада*.)

ЭНГСТРАН (*помогая вместе с Региной пастору надеть пальто*). Прощай, дочка. И случись с тобою что, помни, где искать Якоба Энгстрана. (*Тихо*.) Малая Гаванская... Гм!.. (*Обращаясь к фру Алвинг и Освальду*.) А убежище для скитальцев-моряков назовем «Домом камергера Алвинга». И коли все пойдет, как я задумал, ручаюсь, он будет достоин покойного камергера.

ПАСТОР МАНДЕРС (*в дверях*). Гм... гм!.. Идем же, добрый мой Энгстран. Прощайте, прощайте. (*Уходит с Энгстраном в переднюю*.)

Сцена третья

ОСВАЛЬД (*идя к столу*). О каком доме он говорил?

ФРУ АЛВИНГ. Что-то вроде приюта, который он собирается устроить с пастором.

ОСВАЛЬД. Сгорит, как и этот здесь.

ФРУ АЛВИНГ. С чего ты взял!

ОСВАЛЬД. Все сгорит. Ничего не останется на память об отце. И я сгорю тут.

Регина недоумевающе смотрит на него.

ФРУ АЛВИНГ. Освальд, мой бедный мальчик! Не следовало тебе оставаться там так долго.

ОСВАЛЬД (*сидясь к столу*). Пожалуй, что так.

ФРУ АЛВИНГ. Дай я оботру тебе лицо, Освальд. Ты весь мокрый. (*Оттирает ему лицо своим носовым платком.*)

ОСВАЛЬД (*равнодушно глядя перед собой*). Спасибо, мама!

ФРУ АЛВИНГ. Ты устал, Освальд? Не хочешь ли уснуть?

ОСВАЛЬД (*тревожно*). Нет, нет... Только не спать. Я никогда не сплю. Я только притворяюсь. (*Глухо.*) Успею еще.

ФРУ АЛВИНГ (*озабоченно глядит на него*). Да, ты действительно болен, мой дорогой.

РЕГИНА (*напряженно*). Господин Алвинг болен?

ОСВАЛЬД (*раздраженно*). И закройте все двери. Этот смертельный страх...

ФРУ АЛВИНГ. Запри, Регина. (*Регина запирает и останавливается у дверей в переднюю. Фру Алвинг сбрасывает с себя шаль, и Регина тоже. Фру Алвинг придвигает стул и садится рядом с Освальдом.*) Ну вот, я посижу с тобой...

ОСВАЛЬД. Да, посиди. И Регина пусть здесь останется. Пусть Регина всегда будет со мной. Ты ведь подашь мне руку помощи, Регина? Да?

РЕГИНА. Я не понимаю...

ФРУ АЛВИНГ. Руку помощи?

ОСВАЛЬД. Да – в случае нужды.

ФРУ АЛВИНГ. Освальд, у тебя же есть мать. Она тебе поможет.

ОСВАЛЬД. Ты? (*Улыбаясь.*) Нет, мама, этой помощи ты мне не окажешь. (*С печальной усмешкой.*) Ты! Ха-ха! (*Серьезно смотрит на нее.*) В конце концов тебе, конечно, было бы ближе всех. (*Вспылив.*) Почему ты со мной не на «ты», Регина? И не зовешь просто Освальдом?

РЕГИНА (*тихо*). Я не знаю, понравится ли это барыне.

ФРУ АЛВИНГ. погоди, скоро тебе позволят называть его так. И присаживайся сюда, к нам. (*Регина скромно и нерешительно садится по другую сторону стола.*) Ну вот, мой бедный, страдавший мальчик, я сниму с твоей души тяжесть...

ОСВАЛЬД. Ты, мама?

ФРУ АЛВИНГ. Освобожу тебя от всех этих угрызений совести, раскаяний, упреков самому себе...

ОСВАЛЬД. Ты думаешь, что можешь?

ФРУ АЛВИНГ. Да, теперь могу, Освальд. Ты вот заговорил о радости

жизни, и меня как будто озарило, и все, что со мной было в жизни, представилось мне в ином свете.

ОСВАЛЬД (*качая головой*). Ничего не понимаю.

ФРУ АЛВИНГ. Знал бы ты своего отца, когда он был еще совсем молодым лейтенантом! В нем радость жизни была ключом.

ОСВАЛЬД. Я знаю.

ФРУ АЛВИНГ. Только взглянуть на него – на душе становилось весело. И вдобавок эта необузданная сила, избыток энергии!..

ОСВАЛЬД. Дальше?..

ФРУ АЛВИНГ. И вот такому-то жизнерадостному ребенку, – да, он был похож тогда на ребенка, – ему пришлось прозябать тут, в небольшом городе, где никаких радостей ему не представлялось, одни только развлечения. Никакой серьезной задачи, цели жизни, а только служба. Никакого дела, в которое он мог бы вложить свою душу, а только «дела». Ни единого товарища, который бы способен был понять, что такое, в сущности, радость жизни, а только шалопаи-собутельники.

ОСВАЛЬД. Мама?..

ФРУ АЛВИНГ. Вот и вышло, что должно было выйти.

ОСВАЛЬД. Что же должно было выйти?

ФРУ АЛВИНГ. Ты сам сказал вечером, что случилось бы с тобой, останься ты дома.

ОСВАЛЬД. Ты хочешь сказать, что отец...

ФРУ АЛВИНГ. Для необычайной жизнерадостности твоего отца не было здесь настоящего выхода. И я тоже не внесла света и радости в его дом.

ОСВАЛЬД. И ты?

ФРУ АЛВИНГ. Меня с детства учили исполнению долга, обязанностям и тому подобному, и я долго оставалась под влиянием этого учения. У нас только и разговору было, что о долге, обязанностях – о моих обязанностях, об его обязанностях... И, боюсь, наш дом стал невыносим для твоего отца, Освальд, по моей вине.

ОСВАЛЬД. Почему ты никогда ничего не писала мне об этом?

ФРУ АЛВИНГ. Никогда прежде не представлялось мне все это в таком свете, чтобы я могла решиться заговорить об этом с тобой, его сыном.

ОСВАЛЬД. Как же ты смотрела на все это?

ФРУ АЛВИНГ (*медленно*). Я видела только одно – что твой отец был человеком погибшим еще прежде, чем ты родился...

ОСВАЛЬД (*глухо*). А-а! (*Встает и идет к окну.*)

ФРУ АЛВИНГ. И вот еще меня преследовала мысль, что Регина, в

сущности, своя в доме, как и мой собственный сын.

ОСВАЛЬД (*быстро оборачиваясь*). Регина?..

РЕГИНА (*вскакивая, едва внятно*). Я?..

ФРУ АЛВИНГ. Да, теперь вы оба знаете.

ОСВАЛЬД. Регина!

РЕГИНА (*как бы про себя*). Так мать была, значит, таковская...

ФРУ АЛВИНГ. Твоя мать во многих отношениях была хорошая женщина, Регина.

РЕГИНА. Но все-таки таковская. Да, и я иногда так думала, но... Ну-с, сударыня, так позвольте мне уехать сейчас же.

ФРУ АЛВИНГ. Ты серьезно хочешь, Регина?

РЕГИНА. Ну да, конечно.

ФРУ АЛВИНГ. Разумеется, ты свободна, но...

ОСВАЛЬД (*идет к Регине*). Уезжаешь? Но ведь ты своя в доме.

РЕГИНА. Merci, господин Алвинг... Да, теперь, верно, я могу звать вас Освальдом. Но это совсем не так вышло, как я думала.

ФРУ АЛВИНГ. Регина, я не была с тобой откровенна...

РЕГИНА. Да, уж грешно сказать! Знай я, что Освальд больной... И раз теперь между нами не может выйти ничего серьезного... Нет, я никак не могу запереться тут в деревне и загубить свою молодость в сиделках при больных.

ОСВАЛЬД. Даже при таком близком тебе человеке?

РЕГИНА. Нет уж, знаете. Бедной девушке надо пользоваться молодостью. А то и оглянуться не успеешь, как сядешь на мель. И во мне ведь тоже есть эта жизнерадостность, сударыня!

ФРУ АЛВИНГ. Да, увы... Не сгуби себя, Регина!

РЕГИНА. Ну, чему быть, того не миновать. Если Освальд пошел в отца, так я, верно, в мать... Позвольте спросить, сударыня, пастор знает насчет меня?

ФРУ АЛВИНГ. Пастор Мандерс все знает.

РЕГИНА (*суетливо набрасывает платок*). Так мне надо поскорее собраться, чтобы захватить пароход. Пастор такой человек – с ним можно поладить. Да, сдается, что и мне будет так же с руки попользоваться теми денежками, как и этому противному столяру.

ФРУ АЛВИНГ. Желаю, чтобы они пошли тебе впрок.

РЕГИНА (*глядя на нее в упор*). А не мешало бы вам, сударыня, дать мне воспитание, как дочери благородного человека. Оно бы больше подошло для меня. (*Закидывая голову.*) Ну да наплевать! (*Озлобленно косясь на закупоренную бутылку.*) Мне, пожалуй, еще доведется распивать

шампанское с благородными господами.

ФРУ АЛВИНГ. А понадобится тебе родной дом, Регина, приходи ко мне.

РЕГИНА. Нет, покорно благодарю. Пастор Мандерс, верно, позаботится обо мне. А плохо придется, так я знаю дом, который мне ближе, который мне ближе.

ФРУ АЛВИНГ. Чей же это?

РЕГИНА. Приют камергера Алвинга.

ФРУ АЛВИНГ. Регина, я вижу теперь – ты погибнешь!

РЕГИНА. Э, ладно! Adieu! *(Кланяется и уходит через переднюю.)*

Сцена четвертая

ОСВАЛЬД *(глядя в окно)*. Ушла!

ФРУ АЛВИНГ. Да.

ОСВАЛЬД *(бормочет)*. Как все это было нехорошо.

ФРУ АЛВИНГ *(подходит к нему и кладет ему руки на плечи)*.

Освальд, милый мой, это очень потрясло тебя?

ОСВАЛЬД *(оборачиваясь к ней лицом)*. Это насчет отца, что ли?

ФРУ АЛВИНГ. Да, насчет твоего несчастного отца. Боюсь, что это слишком сильно на тебя подействовало.

ОСВАЛЬД. С чего ты взяла? Разумеется, меня это крайне поразило. Но, в сущности, мне это довольно безразлично.

ФРУ АЛВИНГ *(снимая руки)*. Безразлично? Что твой отец был так бесконечно несчастен?!

ОСВАЛЬД. Разумеется, мне жаль его, как и всякого другого на его месте, но...

ФРУ АЛВИНГ. Только? Родного отца!

ОСВАЛЬД *(раздражительно)*. Ах, отца... отца! Я же не знал совсем отца. Только и помню, что меня раз стошнило по его милости.

ФРУ АЛВИНГ. Прямо подумать страшно! Неужели все-таки ребенок не должен чувствовать привязанности к своему родному отцу?

ОСВАЛЬД. А если ему не за что благодарить отца? Если он даже не знал отца? Или ты в самом деле так крепко держишься старых предрассудков, ты, такая развитая, просвещенная?

ФРУ АЛВИНГ. Так это один предрассудок!..

ОСВАЛЬД. Ты сама должна понимать, мама, что это просто ходячее мнение... Одно из многих пушенных в ход, чтобы затем...

ФРУ АЛВИНГ (*потрясенная*). Стать привидениями.

ОСВАЛЬД (*бродя по комнате*). Да, пожалуй, назови их привидениями.

ФРУ АЛВИНГ (*порывисто*). Освальд... так ты и меня не любишь?

ОСВАЛЬД. Тебя-то я хоть знаю...

ФРУ АЛВИНГ. Да, знаешь, и только!

ОСВАЛЬД. И знаю, как горячо ты любишь меня, за что, конечно, я и должен быть тебе благодарен. И вдобавок ты можешь быть мне бесконечно полезна по время болезни.

ФРУ АЛВИНГ. Да, да, Освальд. Не правда ли? О, я просто готова благословлять твою болезнь за то, что она привела тебя ко мне. Я вижу теперь, что ты еще не мой, мне надо завоевать тебя.

ОСВАЛЬД (*раздражительно*). Да, да, да, все это одни разговоры. Ты помни, я больной человек, мама. Не могу много думать о других, мне впору думать о себе самом.

ФРУ АЛВИНГ (*упавшим голосом*). Я буду довольна и малым и терпелива, Освальд.

ОСВАЛЬД. И весела, мама!

ФРУ АЛВИНГ. Да, да, мой мальчик, ты прав. (*Подходит к нему.*) Ну что же, сняла я с тебя тяжесть упреков и угрызений совести?

ОСВАЛЬД. Да. Но кто снимет тяжесть страха?

ФРУ АЛВИНГ. Страх?

ОСВАЛЬД (*бродя по комнате*). Регину и просить не пришлось бы.

ФРУ АЛВИНГ. Я не понимаю. Какая связь: этот страх и Регина?

ОСВАЛЬД. Очень теперь поздно, мама?

ФРУ АЛВИНГ. Раннее утро. (*Выглядывает в окно веранды.*) Заря занимается на высотах. И погода будет ясная, Освальд. Скоро ты увидишь солнце.

ОСВАЛЬД. Очень рад. О, у меня еще может быть много радостей в жизни – будет для чего жить...

ФРУ АЛВИНГ. Еще бы!

ОСВАЛЬД. Если я и не могу работать, то...

ФРУ АЛВИНГ. О, ты скоро опять будешь в состоянии работать, мой дорогой мальчик. Теперь ты сбросил с себя всю эту тяжесть угрызений и сомнений.

ОСВАЛЬД. Да, хорошо, что ты избавила меня от этих фантазий. И только бы мне удалось покончить еще с одним... (*Садится на диванчик.*) Давай поговорим, мама.

ФРУ АЛВИНГ. Давай, давай! (*Придвигает к дивану кресло и садится рядом с Освальдом.*)

ОСВАЛЬД. А тем временем и солнце взойдет. И ты узнаешь. И я избавлюсь от этого страха.

ФРУ АЛВИНГ. Ну, что же я узнаю?

ОСВАЛЬД (*не слушая ее*). Мама, ты ведь сказала вечером, что ни в чем не можешь мне отказать, если я попрошу тебя?

ФРУ АЛВИНГ. Да, сказала.

ОСВАЛЬД. И сдержишь слово?

ФРУ АЛВИНГ. Можешь положиться на меня, мой дорогой, единственный!..

Ведь я только для тебя одного и живу.

ОСВАЛЬД. Да, да, так слушай... Ты, мама, сильна духом, я знаю. Только оставайся спокойно на месте, когда услышишь.

ФРУ АЛВИНГ. Да что же это такое? Что-то ужасное?..

ОСВАЛЬД. Не кричи. Слышишь? Обещаешь? Будешь сидеть смирно и тихонько разговаривать со мной об этом? Обещаешь, мама?

ФРУ АЛВИНГ. Да, да, обещаю, только говори!

ОСВАЛЬД. Так вот, знай, что эта усталость, эта невозможность думать о работе – это еще на самая болезнь...

ФРУ АЛВИНГ. В чем же самая болезнь?

ОСВАЛЬД. Болезнь, доставшаяся мне в наследство, она... (*Указывая себе на лоб, добавляет еле слышно*) сидит тут.

ФРУ АЛВИНГ (*почти лишаясь языка*). Освальд!.. Нет, нет!

ОСВАЛЬД. Не кричи. Я не выношу крика. Да, сидит тут и подстерегает момент. И может прорваться наружу когда угодно.

ФРУ АЛВИНГ. О, какой ужас!

ОСВАЛЬД. Только спокойнее... Так вот каково мое положение...

ФРУ АЛВИНГ (*вскакивая*). Это неправда, Освальд! Этого не может быть! Нет, нет, это не так!

ОСВАЛЬД. У меня уже был один припадок. Он скоро прошел. Но когда я узнал, что со мной было, меня охватил страх, гнетущий, невыносимый страх, который и погнал меня домой, к тебе.

ФРУ АЛВИНГ. Так, значит, страх!..

ОСВАЛЬД. Да, ведь это неописуемо, отвратительно! О, если б еще это была обыкновенная смертельная болезнь... Я не так уж боюсь умереть, хотя и охотно пожил бы подольше...

ФРУ АЛВИНГ. Да, да, Освальд, ты будешь жить!

ОСВАЛЬД. Но это так отвратительно. Превратиться опять в беспомощного ребенка, которого кормят и... Нет, этого нельзя и выразить!

ФРУ АЛВИНГ. За ребенком будет ходить мать.

ОСВАЛЬД (*вскакивая*). Нет, никогда. Именно этого я и не хочу. Я не могу вынести мысли, что я, быть может, проживу в таком положении много лет, состарюсь, поседею. И ты можешь умереть за это время. (*Присаживаясь на ручку кресла матери.*) Ведь это не непременно сразу кончается смертью, сказал доктор. Он назвал эту болезнь своего рода размягчением мозга... или чем-то вроде этого. (*С мрачной улыбкой.*) Название, по-моему, звучит так красиво. Мне всегда представляются при этом драпри вишневого бархата, – так и хочется погладить...

ФРУ АЛВИНГ (*вскакивает*). Освальд!

ОСВАЛЬД (*вскакивает и опять начинает бродить по комнате*). И вот ты отняла у меня Регину. Будь она со мной, она подала бы мне руку помощи.

ФРУ АЛВИНГ (*подходя к нему*). Что ты хочешь сказать, мой дорогой? Разве есть такая помощь в свете, которой бы я не оказала тебе?

ОСВАЛЬД. Когда я оправился от этого припадка, доктор сказал мне, что если припадок повторится, – а он повторится, – то надежды больше не будет.

ФРУ АЛВИНГ. И он был так бессердечен!..

ОСВАЛЬД. Я потребовал от него. Я сказал, что мне надо сделать кое-какие распоряжения... (*Лукаво улыбаясь.*) Так оно и есть. (*Вынимая из внутреннего бокового кармана коробочку.*) Мама, видишь?

ФРУ АЛВИНГ. Что это такое?

ОСВАЛЬД. Порошок морфия.

ФРУ АЛВИНГ (*в ужасе глядит на него*). Освальд, мальчик мой...

ОСВАЛЬД. Я скопил двенадцать облаток...

ФРУ АЛВИНГ (*желая выхватить коробочку*). Отдай мне, Освальд!

ОСВАЛЬД. Еще рано, мама. (*Снова прячет коробочку.*)

ФРУ АЛВИНГ. Этого я не переживу.

ОСВАЛЬД. Надо пережить. Будь при мне здесь Регина, я бы сказал ей, что со мной... и попросил бы ее об этой последней услуге: она бы оказала ее мне, я знаю.

ФРУ АЛВИНГ. Никогда!

ОСВАЛЬД. Когда бы этот ужас поразил меня, и она увидела бы, что я лежу беспомощный, как малое дитя, безнадежно, безвозвратно погибший...

ФРУ АЛВИНГ. Никогда в жизни Регина не сделала бы этого!

ОСВАЛЬД. Регина сделала бы. Она так восхитительно легко решает все. Да ей скоро и надоело бы возиться с таким больным.

ФРУ АЛВИНГ. Так, слава богу, что ее здесь нет.

ОСВАЛЬД. Значит, теперь тебе придется оказать мне эту услугу, мама.

ФРУ АЛВИНГ (с громким криком). Мне!

ОСВАЛЬД. Кому же, как не тебе?

ФРУ АЛВИНГ. Мне! Твоей матери!

ОСВАЛЬД. Именно.

ФРУ АЛВИНГ. Мне, давшей тебе жизнь!

ОСВАЛЬД. Я не просил тебя о жизни. И что за жизнь ты мне дала? Не нужно мне ее! Возьми назад!

ФРУ АЛВИНГ. Помогите! Помогите! *(Бежит в переднюю.)*

ОСВАЛЬД *(догоняя ее)*. Не уходи от меня. Куда ты?

ФРУ АЛВИНГ *(в передней)*. За доктором для тебя, Освальд! Пусти меня.

ОСВАЛЬД *(там же)*. Не пущу. И никто сюда не войдет.

Слышится звук защелкивающегося замка.

ФРУ АЛВИНГ *(возвращаясь)*. Освальд!.. Освальд!.. Дитя мое!..

ОСВАЛЬД *(за нею)*. Есть ли у тебя в груди сердце, сердце матери, что ты можешь видеть мои мучения – этот невыносимый страх?

ФРУ АЛВИНГ *(после минутного молчания, твердо)*. Вот тебе моя рука.

ОСВАЛЬД. Ты согласна?..

ФРУ АЛВИНГ. Если это окажется необходимым. Но этого не будет. Нет, нет, никогда! Невозможно!

ОСВАЛЬД. Будем надеяться. И постараемся жить вместе как можно дольше. Спасибо, мама. *(Садится в кресло, которое фру Алвинг придвинула к диванчику.)*

Занимается день, лампа все горит на столе.

ФРУ АЛВИНГ *(осторожно подходя к Освальду)*. Ты теперь успокоился?

ОСВАЛЬД. Да.

ФРУ АЛВИНГ *(наклоняясь к нему)*. Ты просто вообразил себе весь этот ужас, Освальд. Все это одно воображение. Ты не вынес потрясения. Но теперь ты отдохнешь – дома, у своей матери, мой ненаглядный мальчик. Все, на что только укажешь, то и получишь, как в детстве. Вот видишь – припадок прошел. Видишь, как легко все прошло. О, я знала!.. И смотри, Освальд, какой чудный день занимается! Яркое солнце. Теперь ты увидишь свою родину в настоящем свете. *(Подходит к столу и гасит лампу.)*

Восход солнца. Ледник и вершины скал в глубине ландшафта озарены ярким блеском утреннего солнца.

ОСВАЛЬД (*сидит, не шевелясь в кресле спиной к веранде и вдруг говорит*). Мама, дай мне солнце.

ФРУ АЛВИНГ (*у стола, в недоумении*). Что ты говоришь?

ОСВАЛЬД (*повторяет глухо, беззвучно*). Солнце... Солнце...

ФРУ АЛВИНГ (*бросаясь к нему*). Освальд, что с тобой? (*Освальд как-то весь осунулся в кресле, все мускулы его ослабли, лицо стало бессмысленным, взор тупо уставлен в пространство. Дрожь от ужаса.*) Что это? (*С криком.*) Освальд! Что с тобой (*Бросается перед ним на колени и трясет его.*) Освальд! Освальд! Взгляни на меня! Ты не узнаешь меня?

ОСВАЛЬД (*беззвучно, по-прежнему*). Солнце... Солнце...

ФРУ АЛВИНГ (*в отчаянии вскакивает, рвет на себе волосы и кричит*). Нет сил вынести! (*Шепчет с застывшим от ужаса лицом.*) Не вынести! Никогда! (*Вдруг.*) Где они у него? (*Лихорадочно шарит у него на груди.*) Вот! (*Отступает на несколько шагов и кричит.*) Нет! Нет! Нет!.. Да!.. Нет! Нет! (*Стоит шагах в двух от него, запустив пальцы в волосы и глядя на сына в безмолвном ужасе.*)

ОСВАЛЬД (*сидя неподвижно, повторяет*). Солнце... Солнце...